

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт лингвистики и международных коммуникаций
Кафедра «Международные отношения, политология и регионоведение»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой, к. т. н.,
доцент
_____ Л. И. Шестакова
« _____ » _____ 2019 г.

СЕТЕВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В РОССИИ

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 41.03.04.2019.455. ВКР

Руководитель работы, к. филос.
н., доцент
_____ М. Ю. Гутенев
_____ 2019 г.

Автор работы
студент группы ЛМ-238
_____ В. А. Захаров
_____ 2019 г.

Нормоконтролер, к. полит. н.
доцент
_____ Н.А. Трегубов
_____ 2019 г.

Челябинск 2019

АННОТАЦИЯ

Захаров В.А. «Сетевой» политический протест в России» - Челябинск: ЮУрГУ (НИУ), ЛМ - 238, 90 с., 1 ил., Библиогр. Список – 114 наим.

Целью работы является выявление особенностей, организации и результативности сетевого политического протеста в России.

Объектом исследования является политический протест.

Предметом исследования являются особенности сетевого политического протеста в современной России.

В работе использован сетевой подход, теория мобилизации ресурсов, теория коллективного действия сравнительный метод, системный анализ, конфликтная парадигма, контент-анализ, ивент-анализ, исторический метод.

Выявлены и охарактеризованы сетевые характеристики и инструментарий сетевого политического протеста в современной России, результативность влияния сетевого политического протеста на органы власти, преобладающие формы реакции органов власти на сетевой политический протест.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
1 СЕТЕВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ.....	10
1.1 Сетевые структуры и интернет как инструмент политического протеста	11
1.2 Условия и специфика организации протестной активности	29
2 ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ СЕТЕВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	44
2.1 Особенности и инструменты организации Сетевого политического протеста	44
2.2 Результативность сетевого политического протеста	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	70
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	77

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Все большее количество граждан становится недовольными существующими «правилами игры», установленными нормами, проводимым политическим курсом. На таком фоне, возникают новые общественные структуры, которые способны помочь гражданам в удовлетворении их законных прав и интересов. Использование средств массовой коммуникации дает возможность привлечь значительное число сторонников, что формирует потенциал воздействия на общественно-политическую ситуацию. Новые общественные объединения не имеют четкой структуры, вертикали власти, характеризуются децентрализацией, базируются на общих целях и интересах, новым стилем и формой лидерства.

Проникновение Интернета в России растет. Интернет создает дополнительные возможности для организации акций протеста, способствует формированию нового пространства коммуникаций с использованием новых IT-технологий. В то же время, возрастает разнообразие форм политической активности граждан России в Интернете. События в мире и в России 2011–2012 годов заставили мировое политическое сообщество более пристально взглянуть на возможности Интернета в качестве прикладного политического инструмента. С помощью сети человек генерирует, распространяет и получает информацию, а также сообщества «по интересам», формирует новое коммуникативное пространство, со своими каналами, спецификой и проблемами. Интернет превращается из места для досуга в платформу, где происходят реальные политические процессы.

Освоение потенциала информационно-коммуникационных технологий способно трансформировать устоявшиеся представления о системе обеспечения политической деятельности, но и о традиционных инструментах и возможностях политического участия. Все это создает необходимость для проведения исследований,

направленных на осмысление сетевого политического протеста, его механизмов и результативности. Особенно важным является изучение использования средств коммуникации в ходе акций протеста, которые существенно повышают эффективность протестной кампании.

Целью работы является выявление особенностей, организации и результативности сетевого политического протеста в современной России.

Задачи работы:

1) определить особенности условий организации и осуществления сетевого политического протеста в современной России;

2) выявить субъектный состав, инструментарий, специфику взаимодействия субъектов в процессе организации и осуществления сетевого политического протеста;

3) охарактеризовать преимущества, предоставляемые Интернетом для организации и осуществления сетевого политического протеста;

4) рассмотреть реакцию власти на сетевой политический протест в современной России;

Объектом исследования является политический протест.

Предметом исследования выступают особенности сетевого политического протеста в современной России.

Степень разработанности проблемы:

Протест как форму коллективного действия исследовали такие авторы как:

Б. Кландерманс, С. Тилли, Д. МакАдам, Дж. МакКарси и М. Злад, Т.Р. Гарр, М. Олсон.

Исследования особенностей новой волны протестной активности и протестного движения в современном мире (Ф. Гергес, С. Кисбай, У.Д. Томас, М. эль-Новавэй и С.Хамис, П. Сингх, К. Чаттердж).

Исследования особенностей протестной активности в современной России

(Г. Фейфер, Г. Робертсон, Д. Бичейн и А. Полис, С. Вегрен).

Различные аспекты массового протестного участия а также анализ отдельных протестных кампаний представлен в работах: А.В. Кинсбургского, И.А. Климова, В.В. Сафронова, С.В. Патрушева, Л.Н. Тимофеевой, К. Клеман, О. Яницкого.

Сетевые принципы организации протестов изучали такие Российские ученые как: Л.В. Сморгунова, И.В. Мирошниченко, А.И. Соловьева.

Исследования интернета как нового пространства организации политических компаний широко представлено в западной литературе: М. Кастельс, И-Сянь Тинг А. Каратзоджианни, Р.Л. Фокс, Дж.М. Рамос, Дж. Роджерс Э. Доуни, М. Джонс. Роль социальных сетей в протестной активности (В. Беккерс, Х. Бэндерс, А.Эдвардс и Р. Муди, К. Пирс и С. Кэндзиор.

Исследования Интернета как особой сферы социальной жизни (С.В. Володенков, И.В. Мирошниченко.

Особенности организации гражданской активности изучаются в работах. Л.И. Якобсона, В.Н. Якимца и Л. И. Никовской, С.В. Патрушева и С.Т. Айвазово.

Гипотеза исследования: Информационно-коммуникационные технологии позволили сформироваться сетевому политическому протесту как новой форме коллективного действия, ориентированного на удовлетворение интересов и решение конкретных задач его организаторов. Сетевой политический протест позволяет включиться гражданам, социальным группам в процесс защиты своих интересов, является механизмом контроля над принимаемыми органами власти решениями, позволяет демонстрировать несогласие с ними. Естественен вывод, что такое протестное движение существует только до тех пор, пока не решена проблема, которая привела к его возникновению, затем движение, зачастую распадается.

Сетевые структуры протестной активности позволяют эффективно мобилизовать различные ресурсы (информационные, людские, материальные и др.) для осуществления общественно-политических действий, посредством выстраивания

новых механизмов коммуникации, разработки и планирования коллективных действий.

Органы власти предпочитают, деструктивные стратегии реагирования на политический протест: игнорирование, подавление, ограничение. Но и в сетевом политическом протесте, нередко можно проследить деструктивные элементы. В той ситуации, когда удастся наладить диалог между протестующими и властью, удастся предотвратить массовые коллективные действия, способствовать устранению сложившихся в социуме диспропорций.

Методология исследования: В работе используются методы и подходы, соответствующие целям, предмету исследования и характеру решаемых задач.

Теория мобилизации ресурсов была разработана в трудах Дж. МакКарси, Ч. Тилли, М. Залда Д. МакАдама. Сторонники данной теории рассматривают протест как естественную форму социальной активности, считают, что цель протеста влияние на власть в условиях ограниченных ресурсов. Подчеркивается возможность участников движения получить ресурсы и мобилизовать их для достижения общих целей, стремление к оптимизации расходования ресурсов. В отличие от теории коллективного действия толпа и иррациональное поведение заменяется на «рациональный актер» (индивид или группа), использующий стратегическую и инструментальную логику.

Теория коллективного действия представлена в трудах Дж. Гудвина, Д. Дженкинса, М. Олсона, К. Д. Оппа, Т. Гурра. Сторонники данной теории считают, что оспаривание социальных норм это патология и следствие социальной дезинтеграции. Поэтому для стабильного функционирования обществу необходимы механизмы иерархического контроля, при отсутствии которых толпа порождает насилие и иррациональность. Протест рассматривается как проявление недовольства, позволяющее снять напряжение из-за социальных или психологических деформаций.

Сетевая теория сформирована в работах М. Кастельса, М. Ньюмена, Д. Копеньяна, Э. Клиана. Сетевую структуру общества отмечал еще Э. Дюркгейм. Сущностной чертой сетевого подхода является акцент на связях между элементами системы, а не на самих элементах. Сетевой принцип организации заключается в альтернативе иерархии сети автономных элементов и устранении вертикали власти. Сеть является средой, внутри которой осуществляется взаимодействие субъектов. В рамках нее происходит процесс коммуникации участников, в следствии чего порождается действие, самоорганизуется движение, осуществляется обмен ресурсами и информацией. Это позволяет формировать общее мнение и позицию движения относительно происходящих событий и способов разрешения ситуации. В результате формируются протестные действия с общей целью.

Также использовались следующие методы: исторический, системный анализ, конфликтная парадигма, контент-анализ, ивент-анализ, ситуационный анализ.

Эмпирическая база исследования.

1. Научные и аналитические публикации – информация с экспертным мнением и оценками причин протестной активности, ее сущности и перспектив развития протеста.

2. Тематические порталы, сайты с тематическими новостями – информация о протестной активности в целом по стране, о ее основных причинах и формах (grani.ru 34 , ikd.ru , kasparov.ru, ovdinfo.org и др.).

3. Сайты политических партий – информация о позиции партий по тем или иным вопросам, лежащим в основе протестной активности.

4. Печатные и электронные СМИ – сообщения о протестных акциях, информация о степени публичности протестных действий, актуальности и значимости поднимаемых в ходе протеста проблем.

5. Данные статистики – информация об основных социально-экономических и политических показателях (уровень экономического развития, уровень жизни,

уровень доверия власти, уровень социальной напряженности, уровень коррупции и т.п.).

6. Данные социологических исследований, отчеты о социологических исследованиях по проблематике (ФОМ, ВЦИОМ, Левада-центр и др.).

Научная новизна исследования: охарактеризованы условия организации и реализации сетевого политического протеста в современной России, сопровождающиеся накоплением социальных проблем в обществе, быстрым развитием Интернета и предоставляемых им инструментов, трансформацией модели лидерства и накоплением практик успешного сетевого коллективного действия во всем мире. Выявлены сетевые характеристики политических протестов в современной России, которые заключаются в наличии общей заинтересованности к причине коллективного действия, добровольном характере участия, в открытости системы внешних связей, доверительных и равноправных взаимоотношениях. Определен инструментарий, используемый в процессе организации и осуществления сетевого политического протеста в России (социальные сети, краудфандинг, мессенджеры, флешмобы, обращения). Установлены и охарактеризованы преимущества, организации и осуществления политического протеста, предоставляемые Интернетом которые заключаются в оперативности коммуникации, возможности адресной коммуникации, минимизации издержек на коммуникацию, привлечения широких масс людей, формирования собственной информационной повестки.

Выявлена результативность оказываемого влияния сетевого политического протеста на органы власти, создании необходимости органам власти реагировать на существующие проблемы и дисбалансы.

Определены превалирующие формы реакции органов власти на сетевой политический протест, которые выражаются в законодательном урегулировании форм протестной деятельности, игнорировании, различной интенсивности

взаимодействия с активистами.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 2000-х годов. Детальному изучению протестная активность подвергается за период 2010-2019 годов. Территориальные границы исследования определены территорией Российской Федерации.

1 СЕТЕВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

1.1 Сетевые структуры и интернет как инструмент политического протеста

В современном обществе появилось много новых областей, которые побуждают граждан выражать свои интересы, формировать новые идентичности и группы интересов, что предопределяет и новые способы их выражения. Отечественные ученые указывают на то, что возникают новые формы объединений граждан и формы выражения гражданской активности (чаще не конвенциональные) [9, с. 540]. З. Тафочи обращает на изменение модели лидерства и роли личности в современных движениях [105]. Трансформация способов организации коллективного действия в современной политологии становится предметом дискуссий. Среди них, такие базовые положения теории коллективного действия М. Олсона, как неучастие или рациональное поведение индивидуума как политического субъекта «в рамках проблемы безбилетника» и обязательность формализации объединения участников коллективного действия [7, с. 165].

Ряд политологов считают, что массовая доступность информационно-телекоммуникационных технологий снижает транзакционные издержки и дает возможность более оперативно достигать результата от коллективных действий. Так же происходит изменение в логике поведения рационально действующего субъекта как возможного участника коллективного действия в связи с тем, что он становится более осведомленным и информированным, в том числе о перспективах и последствиях своего участия в коллективных действиях при том, одной из возможных может быть реализована стратегия поведения «безбилетника», также исследователи сходятся во мнении, что современные сетевые структуры имеют ряд

значимых преимуществ по сравнению со структурами, организованными по принципу классической иерархии как «наиболее эффективные в сложном современном социальном контексте» [9, с. 540].

Основой жизни общества является совместная деятельность, Отдельные взаимодействуют, что бы достигать общих целей, что является обязательным условием нормальной работы социальной системы. Важную роль коллективные действия имеют в механизме функционирования гражданского общества.

В политической науке существуют неоднозначные трактовки понятия коллективного действия. Первый из подходов сформулирован в рамках психологической науки и отождествляет понятия коллективного и массового. В частности Г. Траваглино [103] Д. Гудвин и ряд исследователей делали акцент на функциональной интеграции общества под которым понимается структурированное целое, где стабильность и консенсус являются основными категориями оспаривания социальных норм, протест рассматривается как патология и следствие социальной дезинтеграции. Для нормального функционирования обществу требуются механизмы контроля, при отсутствии которых оно станет жертвой насилия и иррациональности, порожденных толпой [79, с. 275–288]. Утверждение мотивировалось тем, что массы зачастую привлекают только изгоев и дивантов.

В. Корнхаузер рассматривал «массу» как совокупность людей не включенных в какую-либо социальную группу, в том числе классы [86, с. 256]. Среди причин образования «массового общества», где массовые движения приводят к разрушению государства он выделял: утрата элитой контроля над обществом, наличие политической системы, основанной на избирательном процессе, увеличение авторизации общества. Е. Хоффер указывал, что в массовых акциях учувствуют, зачастую, те, кому присущи чувства эгоизма, бессилия, скука.

Таким образом, у сторонников теории коллективного поведения зачастую термин «массы» понимается как причина дезорганизации либо симптом, указывающий на

дисбалансы в обществе. Другое понимание коллективного действия сформировалось к концу XX века. Его представители, анализируя борьбу афроамериканцев в США за свои права, движение против войны во Вьетнаме уже не вкладывали в это понятие негативного смысла [80, с. 275].

При этом внутри существует два противоположных подхода относительно механизма формирования общностей которые осуществляют коллективное действие. Согласно одной из них коллективное действие начинается с уже знакомых между собой индивидуумов, Х. Блумер напротив, указывал, что они формируются на основе незнакомых людей между которыми затем формируются социальные связи.

Коллективное действие не всегда является подготовленным, ему может быть свойственны спонтанные реакции. Х Блюмер указывал, что коллективное действия не связано с предварительными договоренностями, а координирующий механизм формируется уже впоследствии [63, с. 63–75].

К. Макеел и Л Киллиан напротив, организацию и наличие координации действий считали необходимым фактором для мобилизации сторонников движения. Д. Сноу и Д Мосс отмечали, что спонтанность свойственно коллективному движению не только в его начальной стадии, затрагивая отдельные элементы в ходе всего процесса развития [101].

Современная нормативная база и политическая практика снижают вероятность реализации спонтанных коллективных действий. Сноу и Мосс обозначили следующие условия спонтанных коллективных действий [101]:

1) отсутствие иерархической структуры. Силу такого рода движения получают благодаря действиям его участникам, которые добровольно отдают свои силы, время и другие ресурсы, вовлекают все новых активистов;

2) неопределенность ситуации и событий. Существует причинно-следственная связь между неопределенностью и неоднозначностью ситуации и спонтанными

коллективными действиями, нормативное регулирование процедуры протеста снижает спонтанность [90, с. 83–110];

3) Эмоциональная основа и опыт предыдущих действий. Дж. Бэрх, Д. Ланеман, [85, с. 499] М. Чен и ряд др. исследователи считали, что стереотипы мышления, предрассудки, имеющийся опыт способны вызвать неосознанные действия индивидуумов;

4) Пространственные контексты ограничений. Д. Джао указывал на значимость расположения университетов в Пекине и условия в них на формирование и развитие студенческих акций протеста в Китае 1989 года и событий на площади Тяньаньмэнь.

Д. Сноу и Д. Мосс указывают, что спонтанные действия внутри коллективного действия приводят к изменению существующего плана зачастую являются одной из причин появления насилия, иногда спонтанные действия могут приводить к результатам сравнимыми с результатами высокоорганизованных коллективных действий [101]. М. Олсон попытался сопоставить заинтересованность и активность в защите своих интересов отдельных индивидуумов и групп, объединённых общностью интересов [95]. При этом под сомнение ставится тезис о том что индивидуумы которые объединены в группы действуют равнозначно активно как по отдельности в ситуациях требующих защиты интересов. Так называемая проблема – «безбилетника», когда без участия в активных действиях можно извлечь выгоды за счет коллективного действия других, где не включенность в коллективное действие детерминирована пониманием необходимости затрат времени и прочих ресурсов для его совершения. Существующая проблема привлекла внимание к изучению причин вовлечения индивидуумов в коллективные действия, в результате чего возникло 2 течения: первое концентрируется на организационных структурах протестной активности второе, в свою очередь, на политическом контексте коллективных действий, но оба базируются на том что недовольство и обиды распространены повсеместно и сами не являются причинами протестной

активности. М. Ослон считает, что одно из условий обеспечения общественного блага является представление индивида о нем, а воздействие индивида на представление в больших группах является малозначительным, следовательно, индивид может повлиять на них, только если он вносит личный вклад и несет соответствующие издержки. Получение поощрений зависит от вклада каждого индивида. Существует точка зрения, согласно которой политический протест это выражение инакомыслия и критического отношения, возможность снять напряжение которое накапливается из-за социальных или психологических деформаций [103].

Еще один подход дополняющий теорию коллективного действия концепция мобилизации ресурсов. В ней указано на значимость организации и политической структуры для процесса формирования общественных движений [103]. Важным вкладом является переход от оценки толпы как иррационального и неорганизованного феномена, сторонники теории не рассматривают общественные движения как маргинальные, они указывают на то, что общественные движения возникают на базе устойчивых структур социальных связей и успешной мобилизации ресурсов. А протестующих стали понимать как рациональных акторов которые способны сравнить выгоды и издержки от их участия в общественно-политическом процессе. Теория мобилизации ресурсов обращает внимание на институциональные и организационные факторы коллективного действия, не уделяя должного внимания анализу ценностям, культуры, идеологий и идентичности [73, с. 663–687]. В тоже время эти факторы имеют значительную роль для коллективного поведения и мобилизации масс.

Теория мобилизации ресурсов подвергалась критике за преувеличение структурированности протестных движений, сторонники преуменьшают роль насилия в протестной активности, преувеличивают значимость структурных предпосылок протеста (Ф Пивен и Р. Клауд) минимизируют роль субъективных

факторов, которые оказывают значительное влияние на общественные движения [81, с. 53–76].

А. Мелуччи определял коллективную идентичность как «интерактивную и обобщённо категорию, образуемую несколькими индивидуумами(или их группой) и связанной представлениями о действиях, а также возможностях и ограничениях относительно данных действий» [91]. Формирования коллективной идентичности является важным фактором формирования трансляции общего понимания происходящих событию. Только обеды идентичным пониманием реальности активисты имеют возможность присоединиться к процессу переговоров где имеется понимание архитектуры союзников, оппонентов, выгод и издержек [91].

Е. Гоффман указывал, что индивидуумы воспринимают социальный опыт через схему интерпретаций фреймов. Фреймы в данном случае – это комплекс, верований, убеждений и ментальных структур, которые определяют восприятие и поведение индивидов. Общественные движения в данном случае рассматриваются в качестве субъектов производства и трансляции фреймов. Они соперничают за доминирование в объяснении социальной жизни с помощью сконструированных ими фреймов, важнейшая роль которых – получить поддержку и мобилизовать собственных сторонников, а так же демобилизовать противников [100, с. 197–217].

Важно отметить и то, что коллективные действия создают, и укрепляют коллективную идентичность, Д. Друри продемонстрировал, как разрозненная толпа в процессе противостояния с полицией постепенно структурировалась и набирала силу. Это подтверждает исследования М. Волстрома и М. Веннерхег [110]. Они выявили, что примерно 90% участников коллективных действий (69 акций протеста в 8 европейских странах) уже имели различные социальные связи с другими участниками до самих активных действий. И только, около 10% участников являлись, «одинокими», то есть ранее не мобилизованные в социальные связи с другими. Исследователи указали причины, по которым люди могут принимать

решение участвовать в коллективном действии в одиночку: в расчете на то, что индивид в ходе мероприятия встретит знакомых, но встреча не состоялась; был случайным прохожим и спонтанно решил принять участие в акции; сознательно принял решение участвовать в акции в одиночку. Наибольший интерес представляет третья группа участников, существует мнение, что причина в низкой вовлеченности в межличностные сети, использующиеся в мобилизационных целях [111]. Но это противоречит позиции других исследователей, это сетевое взаимодействие имеет принципиальное значение для организации протестной активности. Большое количество «одиноких» может быть причиной отсутствия сетевого характера мобилизации, либо решение об участии принято незадолго до начала протеста и они не успели, вовлечены в сетевое взаимодействие [111]. Также существует тенденция снижения участия граждан в формальных организациях, партиях, и активизируются формы, которые могут осуществляться без формализованной структуры (петиции, активность в социальных сетях и т.д.) [92]. Тут индивиды способны принимать участие в коллективном действии без вовлечения в группу, без идентификации себя с ней. М. Вольстром и М. Венернерхэг подтверждают предположение ряда ученых о том, что большинство активистов протестных акций имеют различные связи с другими участниками, находятся с ними в сетевом взаимодействии. Наиболее существенную роль в процессе мобилизации имеют социальные сети. Современное представление о протестах базируется на признании того факта, что граждане не только являются объектом воздействия государственной власти, но и сами способны объединиться для достижения своих целей, представляют собой творческий субъект, способны осознавать политическую реальность. Политический протест – «коллективное действие солидарных рациональных субъектов, которые нацелены на формирование новых центров власти или замещение существующих, изменение расклада политических сил и механик распределения ресурсов в соответствии с

собственными ценностями и запросами» [63]. В словаре справочнике под редакцией А. Пугачева под политическим протестом понимается негативная реакция субъектов политики на существующий политический порядок, принимаемые властью решения действия противников и оппонентов. П.А. Селезнев указывает, что понятие политического протеста является родовым относительно категорий: протестное движение, протестный потенциал, протестное поведение, протестная активность.

Протестное движение это объединение граждан, которые используют протестные действия для достижения общей цели [29, с. 334]. Белов Г.А вкладывает новые смыслы в понятие протеста ни как не эксплицируемые безучастность и скрытое недовольство населения [8, с. 168].

В. Костюшев и В. Горьковенко считают, что политический протест это не только открытая конфронтация и насильственные действия, но и такие конвенциональные акции, как мирные демонстрации, голодовки или символические жесты (водружение флага). Конфликт государства и гражданского общества обладает конструктивными и деструктивными функциями, в открытой стадии конфликт ведет к росту энтропии обществе, разрушению социальных структур, хаосу и демантирует само общество. А.Б. Волынчук и С.А, Соловченков, отмечают, что разрешение противоречий на стадии зарождения протеста является обаятельным условием социальной стабильности. Протест так же является инструментом обратной связи между гражданским обществом и государством как субъектами социальных отношений.

Таким образом, в политологии политический протест рассматривается в контексте проблем насилия, отклоняющегося поведения, общественных движений, особое место исследователи отводят категории идентичности, потому как именно она дает возможность образовывать группы, проводить мобилизацию сторонников, определяет степень вовлеченности участников во внутригрупповые коммуникации. Коллективная идентичность политизируется, когда относительная депривация трансформируется в требования к власти и индивидуумы начинают компанию

артикуляции и мобилизации сторонников для удовлетворения своих требований. Социальная среда в процессе политизации разделяется на союзников и противников, вследствие чего может происходить радикализация действий, если власть не удовлетворяет требования или стремится подавить группу. Протест для сторонников теории мобилизации ресурсов-защита индивидуумами своих прав и интересов. участники соизмеряют выгоды и издержки в процессе принятия решений об участии в протесте. Сегодня принято считать что граждане не только объект воздействия государственной власти, но и сами, являются творческим субъектом, создающим и меняющим социально-политическую реальность, те пласты которые расценивают как неприемлемые.

Таким образом, протест мы будем понимать как форму коллективного действия, которая базируется на идентичности, определенной организационной структуре и выражает неудовлетворенность и текущим положением, проявляющиеся в определённой форме.

термин «сетевое общество» ввели в оборот Ян Ван Дейк и М. Кастельс [69, с. 625] это общество в котором люди взаимодействуют в рамках социальных сетей, в том числе информационно-коммуникативных.

На увеличение роли социальных сетей влияет кризисное состояние классических социальных структур, которые выстроены в рамках иерархической структуры. Развитие информационных технологий, средств коммуникации снижают значимость крупных организационных структур, делая неспособными их быстро и адекватно реагировать на постоянные изменения.

В экономике увеличение роли нематериальных активов в условиях перехода к информационному обществу привели к тому что централизованный способ выработки решений и сами многоуровневые хозяйствующие субъекты стали неэффективны с точки зрения транзакционных издержек. Аутсорсинг, а так же отказ от географического сосредоточения производства на территории одной страны,

конкуренции инноваций продолжают тенденцию децентрализации и разукрупнения корпораций [10, с. 344]. Подобные тенденции существуют и на рынке труда – возможность дистанционной работы, мобильность рабочей силы, формирование команд в рамках реализации одного проекта – следствие развития информационно-коммуникационных сетей, и фактор разрушения иерархий в экономической сфере.

Аналогично и в политике традиционные иерархии способы участия теряет эффективность, классические политические институты становятся дисфункциональными. Ученые указывают на кризис бюрократического государства (П. Дрюкр), на смену которому формируются неформальные сети государственных чиновников (А. М. Слоттер). Государства перестают свои функции гражданскому обществу, в мировой политике национальные государства уступают место транснациональным сетевым структурам, как указывает Н. Кроссли традиционные бюрократические структуры неподчинению общественному мнению, что создает потребность в альтернативных самоорганизующихся структурах [74, с. 287–305].

Новые практики, имеющую сетевую структуру показывают свою эффективность, «арабская весна» где активно применялись социальные сети и сетевой подход к организации служит тому примером.

М. Кастельс раскрывая сущность сетевой организации [4, с. 470] он указывает, что сети существуют давно, но их роль значительно возрастает в связи с повышением значимости информации, М. Кастельс определяет современное общество как «сетевое» где главным фактором организации «логика сетей» [5].

Д. МакАдам, Дж. Макарси и М.Н. Залд рассматривают социальные движения как сеть неформальных сообществ, которые не имеют иерархической организации в которых важно участие индивида, а не формальное членство, с осознанной принадлежностью к группе и коллективной идентичностью [52]. Внутри сети происходит процесс взаимодействия участников, в результате чего происходит действие, появляется движение. Стоит отметить, что в сетевой парадигме фокус

смещается с самих объектов на связи между ними.

ДЖ. Липнек и Дж. Стэмпе

выделяют пять базовых принципов сети:

- единая цель;
- добровольность связей;
- независимость участников
- несколько лидеров;
- многоуровневое взаимодействие [21, с. 164].

И.А. Василенко отмечает, что «сеть представляет собой децентрализованный комплекс взаимосвязанных узлов открытого типа, способный неограниченно расширяться путем включения новых и новых звеньев, что придает сети гибкость и динамичность» [1, с. 21]. Я. Кооиман указывает на то, что управление трансформируется из одностороннего в многосторонний процесс, границы между обществом и государством размываются, разделение полномочий между правительственными структурами и гражданским обществом становится объектом торга. Сети эффективно выполняют функцию распространения информации, внутри сети складываются общие взгляды на проблемы, происходящие события, исследования показывают, что сети превосходят централизованные структуры в эффективности коммуникации, увеличивают доступ к важным ресурсам [98].

Интернет оказал огромное влияние на развитие сетевых форм организации коллективного действия, анализируя массовые протесты современности исследователи ввели термин – «умная толпа» т.е. самоорганизующаяся группа людей, которая действует коллективно с помощью беспроводных устройств связи [97]. Подобная организация минимизирует затраты так как на организацию действия, киберпространство дает участникам больше свободы, в том числе в контексте времени-пространства, облегчает координацию действий и планирование.

Теория Флоки [77] показывает что если в информационное пространство попадают индивиды, которые уверены в результативности протеста, это поможет

мобилизовать больше сторонников которые ранее сомневались, первопроходцы формируют среду и повестку организуя других активистов. Ф. Уэбстер отмечает – «если вы не в сети, вы не можете полноценно почувствовать в жизни сетевого общества, более того компьютерные сети положат конец традиционным системам коммуникации таким как телевидение, поскольку индивидуализированная коммуникация интерактивна» [11, с. 400].

Таким образом, сеть образуется через самоорганизацию людей, активно входящих в сетевое общество, с помощью интернета. Потенциальный участник протеста располагает большим количеством информации от коммуникации с другими субъектами имеет больше возможностей для принятия решения об участии [48].

Ключевые параметры сети это гибкость, отсутствие дублирования функций, адаптивность возможность минимизации издержек эффективный обмен информацией [27].

Согласно М. Кастельсу и Л. Сморгуну можно выделить такие критерии сетевых форм гражданской активности как: добровольность, открытая система, наличие интереса к проблеме которая вызвала внимание к причинам протеста, доверие как система соглашений о правилах взаимодействия, обмен ресурсами между участниками, равноправие участников, преобладание горизонтальных связей над вертикальными. Сетевая модель в общественных объединениях имеет ряд преимуществ, среди которых:

- быстрая мобилизация участников, высокая скорость передачи информации внутри структуры;
- принцип добровольности и нацеленность на достижение общей цели, что является условием существования организации;
- открытость систем(возможность постоянного привлечения новых участников;
- эффективное распределение ресурсов;
- наличие горизонтальных связей, доверия как основа объединения.

Основными принципами сетевой организации являются: добровольность присоединения и участия в деятельности, равноправие акторов, превалирование горизонтальных связей над вертикальными, наличие системы коммуникаций.

Таким образом, сетевые формы протеста это механизм принятия совместных решений и воплощения их в практику, основанное на соглашении между равноправными членами организации.

В современной практике имеются примеры использования способа построения сетей низовыми гражданскими группами (движение против условий складирования бытовых отходов в Подмоскowie в 2018 г. Протест против строительства храма в Екатеринбурге в апреле-мае 2019 г.) такие сетевые структуры автономны и ориентированы на интересы участников.

Новые формы коммуникации осуществляются преимущественно с помощью интернета, что придает свою специфику и особенности. О.Г. Филатова выделяет ключевые особенности Интернета: персонализация, отсутствие посредников, интерактивность [12, с. 48].

К. Уэллс считает, что интернет в коллективном действии помогает участникам в координации действий, является элементом организационной структуры. Интернет-технологии выступают движущей силой развития сетей и горизонтальных связей, и перевода их на новый качественный уровень, содействуя становлению гражданского общества. Протестная активность в интернете предоставляет множество возможностей для активистов: простота в использовании, дешевизна анонимность, оперативность. С.В. Володенков считает, что СМК для многих становятся единственным источником интерпретации политических событий, создавая информационную повестку и определяя значимость явлений в политике [15, с. 290–305].

Лидеры общественного мнения на популярных социальных медиа являются выходцами из представителей общественности, что повышает уровень доверия к их

точке зрения, а альтернативные традиционным СМИ публикации имеют больший резонанс и feedback, поэтому такие лидеры способны оказывать эффективно влиять на настроение в сети, массовое восприятие социально-политической реальности в Интернет-пространстве [14, с. 1–13]. В результате в Интернет-пространстве образуется независимая от традиционных субъектов политического управления сеть медиа ресурсов и сетевых лидеров, представляющая определенную опасность для политических режимов из-за значительного влияния на аудиторию [28, с. 79–82].

Известны случаи привлечения к уголовной ответственности за посты и репосты в социальных сетях, что позволяет говорить о том, что органы власти рассматривают активизм в социальных медиа такой же значимой деятельностью, что и традиционные формы.

Анализируя научные публикации на тему роли интернета в политическом процессе можно выделить положительные и отрицательные влияния на организацию протеста. Среди положительных факторов: увеличение организационной устойчивости и повышение скорости мобилизации; снижение операционных издержек; рост транспарентности; упрощение сбора средств; повышение степени физической безопасности участников [84, с. 300].

Но существует и ряд угроз, которые обусловлены использованием интернета: снижение степени анонимности и конфиденциальности; риск кибер-атак на ресурсы протестующих [44].

Примером использования новых подходов к организации протестов можно считать волнения в Египте, Ливии, Йемене и других странах в период так называемой «Арабской весны» 2010–2011 гг. где активно применялись социальные сети и сетевой подход. Аналогично на постсоветском пространстве: Украина (2004 г. и 2013–2014 гг.) Армения (2008 г. 2018 г.). В связи с этим важное значение имеет доступность и проникновение Интернета, в России более двух третей являются пользователями сети, при чем увеличивается и частота использования в

начале нулевых тех, кто пользуется интернетом ежедневно 34–42%, в 2018 уже 89 %. Мобильный интернет значительно облегчил доступ к глобальной сети, позволяет пользователям постоянно быть в сети в 2014 г. 68 % пользователей хотя бы раз в месяц выходили в сеть с помощью мобильных устройств.

Социальные сети – специфическая среда позволяющая формировать новые связи и сообщества, высказать мнения на широкую аудиторию. Одной из тенденций развития Интернета является развитие web 2.0, концепт которого разработан в трудах Т. О’Рейли [51], исследователь обращает внимание на то, что Интернет-приложения интерактивны, что дает возможность пользователям постоянно обновлять информацию. Они и коллективно и равноправно генерируют контент и изменяют его. Что достигается благодаря техническим и технологическим особенностям взаимодействия субъектов. Современные общественные движения основаны на цифровых технологиях и новых медиа. Поэтому возникает вопрос: можно ли считать их использование политическим действием [42, с. 49–62]. В связи с этим значение приобретает вопрос о влиянии интернета на структурирование социального пространства. С.В. Володенков обращает внимание на то, что, анализ современного интернет-пространства указывает на существование социально дифференцированных «информационных сообществ», которые кроме развитой горизонтальной структуры так же, имеют специфические социальные характеристики, которые определяют устойчивость таких сообществ и позволяют создавать полузакрытые «внутренние» пространства с ограниченным и регламентированным доступом извне [15, с. 290–305]. Он считает, что в интернет среде действуют четко структурирование по горизонтальным связям сообщества, которые обладают высоким мобилизационным потенциалом, и вырабатывают свое видение реальности посредством внутригрупповых коммуникаций. Замкнутость сообщества предопределена тем, что они черпают информацию из ограниченного информационного пространства, поэтому исключена возможность получения

альтернативной точки зрения.

Важным является и то, как именно в социальных медиа интерпретируют протест: как неправильный или как законный способ выражения недовольства граждан социально-политической ситуацией и желанием социальных изменений [103]. При этом представление облика протеста в СМИ является важнейшим фактором мобилизации участников и ресурсов в коллективное действие, а так же их результатов и социальных последствий. З. Тафочи и К. Уилсон указывают на то, что новые медиа существенно меняют «правила игры», давая гражданам возможность обходить цензуру традиционных сми, реализовывать ресурсы и вовлекать новых активистов [106]. М. Кастельс считает, что волна протеста результат «сетевого негодования», которое возникло после 2008 г. Трансформировалось в «сетевую надежду» глобальной само организуемой коммуникации на основе сети интернет [68, с. 200]. Напротив, П. Гербаудо считает, что в 2011 протесты в рабских странах были результатом сознательного управления коллективным действием [82].

Со сменой поколений, и развитием коммуникационных технологий интернет становится инструментом самоорганизации граждан в России. Параллельно с этим, можно наблюдать делигитимацию властных институтов, поиск новых моделей взаимодействия с властью и воздействия на нее. Интернет помогает в артикуляции интересов протестно-настроенных, одновременно усиливает влияние государственных структур на гражданское общество.

Существуют объективные и субъективные причины активного использования интернет в протестах. Среди объективных: степень политической активности, чем выше на определенной территории, тем больше случайных событий и поводов к проявлению активности. Так же можно назвать: уровень доступности интернета, социально-демографические факторы: образование, возраст: здесь наибольшая активности среди людей более молодых и с более высоким уровнем образования, уровень урбанизации – активность выше в городах. К субъективным факторам,

влияющим на использование интернета в протестах, можно отнести деятельность людей, которые связаны с политикой в конкретном регионе: чем выше активность в данной сфере, тем выше интернет-активность в политике.

Политическая деятельность, организуемая и реализуемая в сети интернет, является фактором формирования новых социальных сообществ, повышает политическую культуру граждан и прозрачность политических процессов, развивает навыки общественного контроля за действиями властей.

Мнения из социальных сетей переносятся и в традиционные СМИ, вследствие этого властям трудно избегать реакции на выражаемые в сети мнения. Таким образом, в сети интернет создается информационный фон протестной активности, который может оказывать как положительное так и негативное влияние на политические процессы.

Вовлечение граждан в протестные компании, демонстрация неэффективных действий властей оказывает влияние на политические процессы. Активность пользователей в интернете изменяет не столь политическую ситуацию, сколько политическое сознание и культуру. Существует и организационный аспект воздействия интернета на политические процессы, интернет предлагает множество инструментов для формирования и координации совместных действий, в том числе блоги и социальные сети, примером может служить массовые акции протеста 2011–2012 гг. организуемые с использованием ВКонтакте, Facebook. Можно сказать, что Интернет вторичный фактор изменения политических институтов и процессов, который формирует общественное мнение, на которое в дальнейшем власти вынуждены реагировать.

В Теории мобилизации ресурсов общественные движения рассматриваются как коллективные субъекты, стремящиеся к оптимизации использования ресурсов для достижения коллективного действия [75, с. 326]. Использование новых мультимедийных приложений, способствует включению новых активистов в

общественные движения, параллельно укрепляя их, благодаря оперативному обмену информации о движении. Недавно привлечённые участники отличаются своими установкам от уже включенных, они могут испытывать недостаток вовлеченности в формальные и неформальные связи в движении, рассматривающиеся, как механизм и цель мобилизации для участия в движении. Именно средства массовой коммуникации способствуют включению новых активистов в движение движения.

Политическая активность в Интернете имеет небольшую историю в сравнении с реальными политическими компаниями. Интернет изначально считался акторами инструментом комплексной политической компании. А не рассматривался самостоятельно, в сети проводили локальные политические акции.

Специфичными стали протесты 2011–2012 гг., массовый доступ к интернету и мобильным технологиям предоставил активистам широкий спектр возможностей. Граждане обсуждают вопросы политики в блогах социальных сетях, форумах, политические деятели обнародуют свою точку зрения, заводят аккаунты на социальных сетях для взаимодействия с людьми. Интернет стал неотъемлемой частью жизни общества, увеличив возможность взаимодействия людей посредством преодоления временных, географических и других барьеров.

Блоги, новые СМИ стремительно становятся эффективными инструментами влияния на сознание целых наций и стран, одновременно становясь объектом внимания со стороны правительств, корпораций, политиков и спецслужб. Интернет становится способом выражения настроений общества и используется как площадка для агитации.

1.2 Условия и специфика организации протестной активности

В XXI происходят кардинальные изменения во всех сферах жизни, общественно-политическом пространстве это проявляется в трансформации политических практик, новых формах коммуникации общества и государства. Традиционные формы активности посредством участия в общественных движениях и представительства во властных структурах отходят на второй план, их сменяют не институализированные способы участия в политической жизни. Протест становится более эффективным институтом выражения интересов и потребностей граждан.

Первопричина протестов остается неизменной на протяжении всей истории человечества, и заключается, по мнению И.Н. Дементьевой в неудовлетворенности сложившейся системой общественных отношений [16, с. 3–12]. При этом существует комплекс причин, которые могут спровоцировать протест: Иностранное правление, потеря властью легитимности, применение насилия, неэффективность управления.

Можно выделить объективистский и субъективистский подходы к трактовке причин и механизмов протестов. Представители первого подхода П. Штомпка, А. Меллучи выделяют объективные условия: нормативная структура общества, политические традиции, инициирующие событие [30, с. 59]. О. Яницкий представитель второго подхода, указывает на психологическую составляющую участия в общественных движениях: потребность в самореализации, в общении и т.д. это традиционное объяснение социальных социально-психологическими факторами [33, с. 30–38].

Основой социальных протестов являются объективные факторы, которые находят свое отражение в субъективном восприятии акторов социального действия и становятся причинами протестов. Политический протест имеет свои особенные черты-политический протест может определяться стремлением к власти или

формировать с независимо от характера взаимодействия во властных структурах. Максимов концентрируется на борьбе интересов правящих групп [22, с. 35–37].

М. Минин проводит аналогию между конфликтом и категориями протеста представляя их как «столкновение интересов, взглядов, идеологий между группами, индивидами» [3, с. 425].

И.Н. Деменьтева раскрывает значение групп, определяя факторы формирования конфликта как отражение социальной напряжённости накопившейся обществе. Где факторы проведения протеста это условия которые определяют степень организованности протеста. Н.И. Певнева указывает на такие факторы роста протестных настроений как:

- неэффективность и/или негибкость власти в процессах модернизации;
- радикальные реформы;
- стагнация или скачкообразное развитие [26, с. 229].

И.А. Климов обращает внимание на тот факт, что эффективность акций протеста, интерпретируемая как возможность реализовать властью сформулированные требования, находится в зависимости от двух факторов: мобилизованности протестующих и способности системы воспринимать и реагировать на воздействие [19, с. 17–28].

Если институты обратной связи, которые разрешены законом и одобрены государством в связке общество – власть отсутствуют или неработоспособны, то социальный протест в таком случае приобретает форму открытого политического противостояния. М.М. Назаров обращает внимание на то, что причиной для нетрадиционных, запрещенных государством политических действий является отсутствие функционирующих институтов выражения несогласия различных социальных общностей [23, с. 58].

И.В. Радиков называет особенной чертой современного протеста использование социальных сетей в организации протестных действий. Интернет дает возможность формировать виртуальные

сетевые организации — группы сподвижников, по сути, аналог политических партий, движений или ассоциаций. Легитимность власти, как считает Т. Гарр, это детерминанта выбора конвенциональной или не конвенциональной формы протеста [2, с. 31]. Социальное неравенство и притеснения со стороны властей являются основной причиной политического протеста, а его активными участниками являются инициативные группы, и сама власть. В общем и целом, протестные акции, как и другие виды коллективного действия, это следствие объективных обстоятельств (событий), человеческих восприятий, эмоциональных мотивационных, и поведенческих установок [67]. Помимо причин, общих для всех социальных протестов, политическому протесту присущи свои специфические причины, локализованные в сфере политических, главным образом, властных отношений по линии индивидуум – общество – государство.

Огромная совокупность активных факторов политического протеста, а также их сложные взаимосвязи и взаимные влияния делают чрезвычайно трудным прогнозирование протеста как формы коллективных действий и объективно информируют о необходимости системного понимания сути этого феномена.

В институциональном и не институциональном походе предполагается, что институты существуют для регламентации общественных отношений, одной из функций политических институтов является удовлетворение потребностей широких масс населения в принятии решений, которые затрагивают интересы всего общества (органы власти, политические партии, общественные организации, выборы и т.д.). Данные политические институты дают возможность разрешать мирным путем противоречия, имеющиеся в любом обществе, в частности находить компромиссные политические решения. Так же протест можно считать политическим институтом, отдельные формы его проявления – пикеты, забастовки, митинги - в странах с развитой демократией являются регламентированными, легальными способами волеизъявления граждан. Основная функция данного института – найти

конвенциональный способ согласования противоречащих друг другу интересов различных социальных и политических групп для обеспечения стабильности общества. Институт политического протеста является частью системы гражданского общества и индикатором уровня его развития.

Дисфункция и деструкция ряда социальных и политических институтов в России, в первом десятилетии 2000-х годов, не могли не способствовать формированию протестных настроений и выбору методов их проявлений. При этом отчетливо проявляются две тенденции. Первая заключается в том, что институты, сглаживающие ранее противоречия и помогающие урегулировать конфликты конвенциональными способами, были разрушены, либо не выполняют свои функции в полной мере. Вторая – определяется мерами которые предпринимает правящая власть для сокращения возможностей граждан выражать протест конвенциональными способами.

А.И. Веревкин в подтверждение этого тезиса указывает на отстранённость партий от гражданского общества и их стремление опереться на административные структуры и ресурсы, что делает невозможным выполнение партиями посреднической функции между гражданами и государственной властью [13, с. 109–125].

Кризис политических партий находит свое отражение и в активизирующемся процессе бюрократизации, что превратило партии в закрытые структуры где отсутствует система ротации кадров, что разрушает еще такую немаловажную функцию этого института – рекрутирование политической элиты. Следствием доминирования в политическом пространстве РФ крупных иерархических вертикальных структур, массовых эрзац-партий и больших общественных организаций подконтрольных государству приводит к тому, что небольшие социально-политические группы являются фактически выключенными из политического процесса, отстраненными от принятия важных решений и лишены

каналов коммуникации с властью, которые должны предоставляться партиями как традиционными политическими институтами посредничества. Растущая неудовлетворённость таких групп не имеет возможности преодоления в рамках существующих политических институтов и, естественно, становится опасной причиной нарастающей социально-политической напряженности.

Примером, наглядно демонстрирующим механизм нарастания протеста можно считать массовые компании протеста в России, которые происходили именно в тот момент, когда власть не выявляла нарушение интересов и не защищала такие группы граждан (обманутые дольщики, лишенные льгот, уволенные в кризис и т.п.).

Отсутствие эффективных институционализированных каналов взаимодействия общества и власти становится причиной того, что интересы таких групп остаются незамеченными государством до тех пор, пока ситуация не переходит в фазу открытого протеста [17, с. 129–137].

До 2011 года преобладающая часть протестной активности являлась акциями трудового протеста. В 2008 – 2010 гг. свыше половины протестных акций были связаны с задержками выплаты заработной платы [47].

Особенность протестов трудящихся, связанных с неудовлетворенностью трудовыми отношениями в тот период, связана с дисфункцией другого немаловажного института медиации – профсоюзов. Протесты рабочих, фактически, сформировались без участия первичных профсоюзных органов, и лишь в 2010 году доля протестов, организуемых профсоюзными ячейками, превысила долю спонтанных протестов.

С 2008 по 2010 год также возросло участие высших профсоюзных органов в акциях протеста. Если в 2008 году было зафиксировано всего 3% случаев их участия, то в 2010 году профсоюзы уже, так или иначе участвуют в каждом третьем трудовом протесте [34]. И.А. Черненко, указывает на то, что в отечественной практике трудовых конфликтов практически отсутствуют примеры успешного

достижения целей протеста работниками и их представителями [32, с. 141].

Акции протеста конца 2011 – начала 2012 годов в отличие от проводимых ранее акций протеста были направлены на изменение основ традиционной власти, не предусматривающей обратной связи между управляемыми и управляющими, иначе говоря, причинами выступлений стали не социально-экономические причины, а именно неудовлетворенность устройством институтами государственной власти в России [25, с. 121].

Еще одной группой причин политического протеста в современной России считается, недовольство граждан политическими реформами, увеличивающееся поляризация экономического положения граждан, отсутствие национального единства и неудовлетворенность запросов конкретных общественных групп (в первую очередь, интеллигенция и креативный класс) на социальные преобразования. Также в сложившихся условиях, все отчетливее проявляются националистические и радикалистские настроения в обществе.

В конце 2011 – начала 2012 гг. причиной для политического протеста стали результаты выборов и сомнения в транспарантном характере электоральных процедур. Этот же повод характерен и для протестных выступлений в ряде других посткоммунистических режимов: Грузии (ноябрь 2003 г.), Украине (ноябрь 2004 г.), Кыргызстане (март 2005 г.) и Молдове (апрель 2009 г.). И здесь, можно отметить состав участников митингов по идеологическому и социально-демографическим признакам. Так, в протестной акции на проспекте академика Сахарова 24 декабря 2011 года в Москве по разным оценкам принимало участие от 40 до 100 тысяч человек различных возрастных групп.

Интересным является и то, что с расширением субъектного состава протестных акций возрастает и разнообразие инструментов протеста, в том числе активное использование протестного голосования. Протестная активность в современной России, таким образом, тесно связана с выборами как институтом коммуникации

между населением и властью.

Протестное движение «За честные выборы», представленное многотысячными митингами, являлось довольно разнообразным по своему идеологическому и демографическому составу и не имеющим объединяющих идей. Именно тогда период в России появилось такая новая характеристика состава протестующих как «креативный класс». Также, протестное движение показало, что в крупных российских городах существуют определенные креативные силы, которые выключены из сложившихся традиционных производственно-распределительных отношений. Протестующие осознали, что они не готовы оказываться мириться с всеобъемлющим доминированием пассивного большинства.

Можно выделить ряд последствий данных протестных компаний:

1) они явились апробацией технологий организации, проведения и координации коллективных протестных выступлений;

2) позволили запустить процесс формирования механизмов гражданского контроля, обозначили достаточно сильный актив протестного движения, показали возможность находить точки соприкосновения между различными оппозиционными силами.

Вопреки снижению уровня протестной активности после 2011–2012 гг., вызвавшие их проблемы и противоречия в обществе, все же не были устранены. Особая роль в данных протестах принадлежит сети Интернет, которая продемонстрировала свои возможности в качестве эффективного инструмента для влияния на общественное мнение, а также быстрой мобилизации граждан для массовых выступлений, консолидации протестно-настроенных элементов населения.

Моноцентричность политического режима, централизованность и монополизация политического пространства в России ограничивает развитие сферы публичной политики. Процесс централизации власти в 1990-е годы был закономерным

решением в условиях дестабилизации, центростремительных сил, но дальнейшее усиление «вертикали власти» стало причиной нивелирования конкурентных начал в политике и сужения публичного пространства, дисфункций базовых политических институтов власти. Следствием стало разрушение механизмов обратной связи между государственной властью и обществом. Л.И. Никовская указывает, что при наличии правильно функционирующих каналов обратной связи протест должен выражаться в конвенциональных формах – публичные обсуждения, гражданский контроль и т.п. В отсутствие таких институтов следует развитие системного кризиса, что выражается в коррупции, деградации и криминализации властных институтов [24, с. 9].

Таким образом, политический протест – вид обратной связи, между гражданами, неудовлетворенных политической ситуацией и некорректным функционированием политических институтов, и государства, которое не предпринимает попыток восстановить диалог и исправить ситуацию.

С 2013 года Интернет становится центральным инструментом протестных кампаний. Возможности интернета активно использовали дальнобойщики, в протестных акциях против системы «Платон» в 2015–2016 г., участники протестов 2017 г. против передачи Исаакиевского собора в собственность Русской православной церкви, а также в Московской области в 2018 году в выступлениях против несоблюдения экологических норм при захоронении отходов. Информационно-коммуникационные технологии, главным образом, социальные медиа и интернет-инструменты краудфандинга дали возможность А. А. Навальному развить заметную социально-политическую активность, создать узнаваемый политический образ, привлекательный для определенных социальных групп. Значительным результатом его деятельности является участие в мэрских выборах города Москвы, где ему удалось набрать 27,24% голосов избирателей изнать второе место. Что, фактически является первым удачным результатом

трансформации онлайн потенциала в конкретный политический результат. 2017 год ознаменовался новой волной протестной активности. Первая крупная протестная акция, была связана с расследованием коррупции и была направлена против Председателя Правительства Д. А. Медведева (видео «Он вам не Димон»). Видео набрало более 27 млн. просмотров, что является впечатляющим результатом для русского сегмента сети Интернет и демонстрирует его эффективность как инструмента распространения информации политического характера. Значение Интернета в указанных событиях принципиально важна, подготовка протестной кампании в 2017 года (митинги, сбор подписей, распространение информации о местах и времени проведения акций, формы проведения) осуществлялась в Интернете, в частности в социальных сетях, они обеспечили оперативную связь организаторов и участников протестных акций, позволили вовлечь в антикоррупционные выступления жителей многих городов. А. А. Навальный в 2017 году накопил достаточно высокий уровень узнаваемости среди населения страны (55%) [54]. А. А. Навальный сформировал политический капитал с помощью онлайн активности и ИКТ, который затем смог удачно конвертировать в высокий уровень известности и организацию массовых протестных акций в ряде городов всей стране.

Среди наиболее значимых характеристик современного этапа проявления протеста можно выделить такие: появление узнаваемого харизматичного лидера протестного движения, формирование консолидирующей идеи (борьба с коррупцией должностных лиц федерального уровня, чтобы ярче демонстрировать контраст с личным социально-экономическим положением каждого протеста), использование новейших информационно-телекоммуникационных технологий для организации протестных действий, включение в протестные действия новых социальных групп (креативный класс, студенты и даже школьники).

Согласно данным Левада Центра, рейтинг одобрения Дмитрия Анатольевича Медведева в 2017 упал с 52% в феврале до 42% в марте [49]. В _____ российской

политической практике [40] граждане чаще протестуют против нарушения их собственных интересов и значительно реже готовы отстаивать интересы общественные. Поэтому широкой поддержки не получили акции организованные движением «Синие ведерки». Гражданами не было воспринято использование спецсигналов кортежами руководителей страны как ущемление их интересов, потому как люди понимают, что причиной пробок являются ошибки в градостраительстве и проектировании. 73 % участников митинга в Москве 24 декабря 2011 года назвали одной из основных причин спровоцировавших протестные действия «накопившееся недовольство положением дел в стране, политикой властей» [43]. Политические права и вопросы их реализации, по крайней мере до недавнего времени, большинство граждан страны не считали актуальными – согласно опросам Левада-центра, в списке проблем, которые беспокоят россиян, данные вопросы находятся в третьем десятке, преобладающими социальными проблемами являются: инфляция, несправедливое распределение доходов, проблемы ЖКХ низкий уровень жизни, низкие зарплаты [33, с. 144]. Москва является центром протестной активности, при этом существует набор особенностей, которые присуще только этому субъекту Российской Федерации:

- 1) Перманентно высокий уровень протестных настроений;
- 2) Значительная активизация протестных движений связанных с итогами выборов депутатов Гос. Думы шестого созыва и выборами Президента России;
- 3) Наличие большого количества протестных групп;
- 4) Включение в протестную активность творческой интелегенции;
- 5) Формирование коалиции различных протестных групп в протестных действиях;
- 6) Оказываемое давление на активистов с целью противодействия протестным акциям;
- 7) Превалирование политических требований над экономическими и

социальными.

Существенное значение для снижения протестной активности в 2014–2015 гг. имела консолидация общества на фоне украинского кризиса, «крымской весны», конфронтация с «Западом». Но ухудшение экономического положения, признаки которого стали проявляться в конце 2014 г. сформировало новые факторы, создающие благоприятные условия для развития протестной активности.

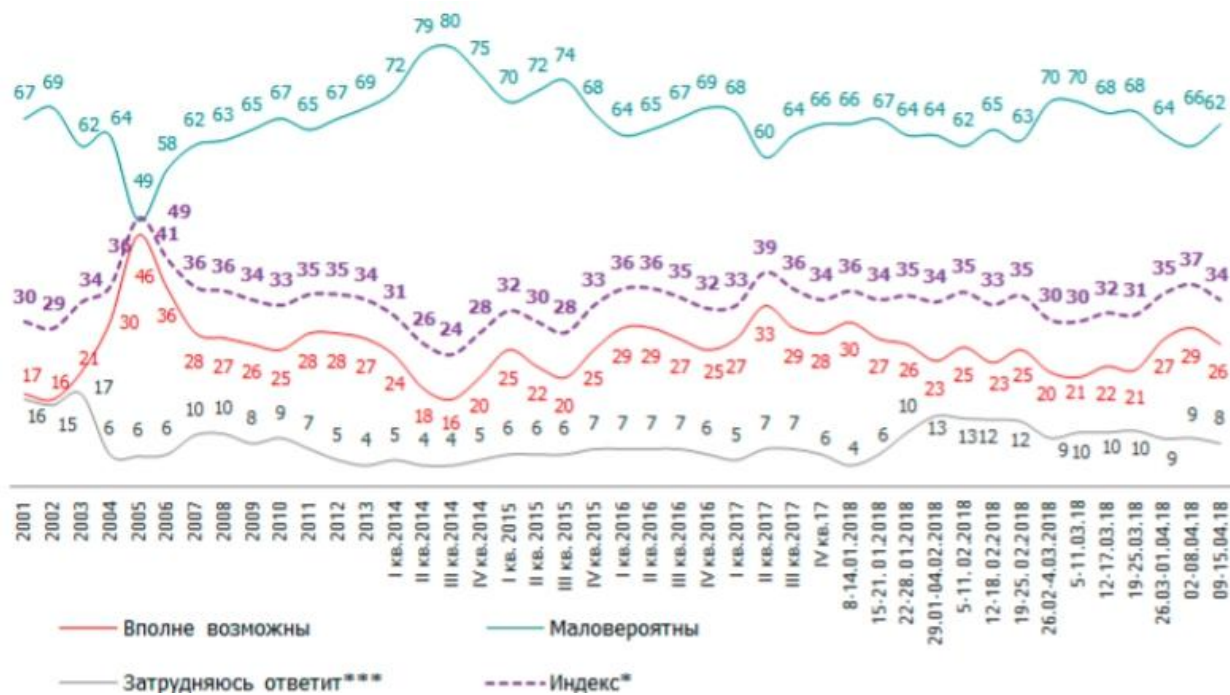

Диаграмма 1. Результаты исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения: Динамика протестного потенциала [53]

Невзирая на меньшую заметность в масштабах страны, протестные акции на местном уровне говорят о наличии гражданского самосознания и заинтересованности граждан в отстаивании своих прав. Процесс институционализации на местного уровня происходит по следующему алгоритму: «гражданские действия местного значения – самоорганизация действий – выделение активистов и подключение оппозиции – возникновение гражданских протестов регионального уровня – подключение других субъектов (СМИ, правоохранительные

структуры, судебные органы, общественные организации и др.) – конфликт между властью и обществом» [31].

Протест осуществляется на федеральном, региональном и местном уровнях. Для местного уровня характерны акции, целью которых является решение специфических проблем данных территорий (мусорные протесты). Несмотря на меньшую значительность в масштабах государства, акции местного уровня указывают на гражданское самосознание и стремление граждан отстаивать свои права. Анализ практик протестных акций в постсоветской России («Рельсовая война» шахтеров, протестные акции протеста льготников, протеста в связи с реформой ЖКХ и др.) дает возможность определить основные стадии активности различных субъектов: стихийная реакция на проблему; затем, подключение к протестам политиков местного и региональных уровней; подключение крупных политических субъектов, институционализация проблемы; поиск компромисса; спад протестной активности. Интересным является и то, что пики протестной активности не приводят к созданию устойчивых институциональных форм и методов преодоления конфликтов в обществе [18, с. 25–45].

Выводы по главе один – Теория мобилизации ресурсов была разработана в трудах Дж. МакКарси, Ч. Тилли, М. Залда Д. МакАдама. Сторонники данной теории рассматривают протест как естественную форму социальной активности, считают, что цель протеста влияние на власть в условиях ограниченных ресурсов. Подчеркивается возможность участников движения получить ресурсы и мобилизовать их для достижения общих целей, стремление к оптимизации расходования ресурсов. В отличие от теории коллективного действия толпа и иррациональное поведение заменяется на «рациональный актер» (индивид или группа), использующий стратегическую и инструментальную логику.

Теория коллективного действия была разработана в трудах Д. Гудвина, Д. Дженкинса, М. Олсона, К. Д. Оппа, Т. Гурра. Сторонники теории коллективного

действия считают, что оспаривание устоявшихся социальных норм является патологией и следствием социальной дезинтеграции. Поэтому для стабильного функционирования социуму необходимы механизмы иерархического контроля, при отсутствии которых толпа порождает насилие и иррациональность. Протест рассматривается в качестве проявления недовольства, позволяющее снять напряжение накопившиеся в результате социальных или психологических деформаций.

Особенность сетевой теории является концентрация внимания на механизмах коммуникации между субъектами, а не самих акторах. Независимые равноправные субъекты которые обладают различными ресурсами, организуются в сети выстроенные по горизонтальному принципу, для достижения своих целей и в соответствии с собственными интересами. Сеть является средой, в рамках которой между собой взаимодействуют субъекты. Внутри нее разворачивается процесс коммуникации участников, вследствие чего порождается действие, само организуется протест, осуществляется обмен информацией и ресурсами. Это дает возможность создавать общее мнение и позицию движения по поводу происходящих событий и методов разрешения проблемы. В результате формируются протестные действия с общей целью. Черты характерные для сетевых движений:

1) Элементы системы равноправны. Отсутствие центрального органа управления, деятельность основана на личной мотивации участников и обеспечен средствами коммуникации, прежде всего интернет.

2) Участники зачастую не знакомы. Их деятельность может не пересекаться, но представляет собой часть общего процесса как в иерархических структурах, но элементы не связаны через вышестоящие инстанции – связь осуществляется горизонтально, на одном уровне.

3) За счет вхождения новых участников имеющих различные ресурсы, обеспечена способность структуры быстро решать возникающие трудности и решать новые задачи.

Сеть не всегда следствие спонтанного объединения участников, подход может быть выбран сознательно для создания партнёрской сети сторонников. То есть такая управленческая практика на замену или дополнение к классически выстроенной вертикальной административной системе.

Информационная активность граждан и органов власти в Интернете преобразует его в поле противостояния за умы людей. Не всегда используется корректная информация, может оказываться манипуляторное воздействие на граждан. Интернет-технологии изменяют природу личности, понятие «личного» становится условным. Значение приобретают вопрос, что определяет поведение личности в Интернете: взгляды и убеждения, или установки задаваемые социальной средой. В следствии политические акторы способны использовать стремление личности к самоорганизации в сети в своих целях. Из сказанного о протестной активности можно сделать выводы, что:

1) Основой протестной активности являются причины объективного плана (социально-экономическая ситуация, конкретные решения или действия властей, неудовлетворительное состояние политических институтов), и субъективного характера (оценка гражданами ситуации как деривационной, нарушающей их права).

2) Основой большинства протестов в России являются актуальные социальные проблемы, обостряющиеся в тяжелых социально-экономических условиях и приобретающие черты протеста политического. Таким образом, совокупность отдельных гражданских акций протеста связана с целым комплексом социально-политических причин.

3) Граждане, скорее ориентируются на личные проблемы и зачастую не готовы

взять ответственность за все общество, даже на уровне локальных сообществ.

4) Одна из ключевых характеристик протестной активности заключается в том, что коллективные действия в большинстве случаев направлены против следствий существующих в обществе проблем, а не создавших их причин. Протест в большинстве случаев является реакцией на уже состоявшееся нарушение прав и интересов: повышение стоимости жилищно-коммунальных услуг (а не против неэффективной и непрозрачной системы управления), обмана дольщиков (а не против несовершенства законодательства, коррупции, бесконтрольности сферы строительства). Только в последние 2–3 года можно наблюдать протесты против институциональных системных проблем – коррупции, «произвола властей», против бюрократизма, административных барьеров и т.д.

5) Волна протестной активности, наблюдаемый в 2011–2012 гг. в отдельных Российских регионах, указывает на значительный скрытый конфликтный потенциал в коммуникаций российского общества и власти.

6) Рост протестного потенциала общества в 2016–2019 гг. является следствием отсутствия адекватной запросу реакции власти на протестные проявления 2011–2012 гг. На современный этап у протестных групп появляется консолидирующие идеи и харизматичные лидеры, существенным расширением их социальной основы за счет молодежи (студенческой, школьников старших классов), эффективным использованием полного спектра современных технологий рекрутирования и мобилизации сторонников.

2 ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ СЕТЕВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

2.1 Особенности и инструменты организации Сетевого политического протеста

Можно утверждать, что протесты, организованные на сетевой основе, могут быть наиболее результативны и эффективны [6, с. 83]. Среди наиболее известных сетевых протестов в России можно назвать: акции против вырубки Химкинского леса, кампания «За честные выборы», протестная кампания «Против партии жуликов и воров», движения «Стратегия-31» и «Общество синих ведерок», протестная компания «За Сквер» в Екатеринбурге и т.д.

Чарльз Тилли определяет необходимые условия для коллективных действий в рамках социальных движений: наличие четко определенных идентичностей и взаимосвязей между ними [102].

Иначе говоря, коллективное действие в социальных группах формируются в случае:

1) когда социальная группа легко узнаваема и идентифицируется, т.е. отличается от других групп;

2) в группе присутствует внутригрупповое единство и идентичность, сформированные внутригрупповым сетевым взаимодействием [75, с. 326].

Степень организованности протестующих, при этом, находится в прямой зависимости от интенсивности (близости), взаимосвязи участников группы друг с другом (интенсивности внутрисетевого взаимодействия, например, религиозного). Ч.Тилли обращает внимание на то, что чем интенсивнее сетевое взаимодействие, тем проще осуществить мобилизацию данного сообщества. Но это скорее предпосылка к протестной активности при необходимости [72, с. 454–458].

Э. Обершэл делает предположение, что усиление протестного потенциала

происходит, когда сегментация общества такова, что у групп из более низких сегментов есть несколько каналов связи и линий приверженности группам из более высоких сегментов (в системах колониального господства, субарендных аграрных систем). В то же время мобилизация маловероятна, если в обществе существуют прочные связи между верхом и низом.

Б. Кландерманс также указывает, что горизонтальные связи могут также снизить вероятность участия в протестных акциях, поскольку разные идентичности не всегда подразумевают одинаковые действия и взгляды. После того как протестное движение набирает силу, оно стремится дифференцировать общество на своих союзников и противников. В следствии чего, человек может испытывать давление со стороны различных групп (личностей), членом которых он является. Однако индивидуумы вплетены, большую часть времени, в однородные социальных связи (сети) и структуры, стимулирующие или противодействующие их включению в коллективное действие. Радикализация происходит в случае, когда органы власти не реагируют на требования социальных групп чьи интересы были ущемлены. Группа радикализируется, если существует угроза ее идентичности большинства или репрессии от государства [88, с. 19].

Что бы протест реализовался необходимо сначала создать мобилизационную структуру, и далее использовать ее для вовлечения участников [64, с. 223–242].

Стоит сказать, что нельзя утверждать, что массовые протестные действия в Тунисе, Египте и других странах были абсолютно спонтанными. Например, М. Лим в своих исследованиях делает вывод о длительной подготовительной работе в ряде стран для обеспечения того, чтобы коллективные действия в них могли достичь результата.

Ключом их результативности стало формирование узкого круга организованных людей, чьи действия позволили включать все новых участников и контролировать широкие массы населения. Структурирование таких организационных групп во

многим было основано на «вики-принципах», что позволило достичь запланированных целей [98, с. 215–238]. Важнейшим механизмом мобилизации в кампаниях протеста является проведение различного рода мероприятий как внутри инициативной группы, так и вне ее, которые направлены на решение проблемы.

Обмен информацией онлайн в режиме реального времени становится важным фактором мобилизации участников протеста, давая им альтернативный взгляд на явления относительно официальных СМИ. Это делает потенциальных активистов протестных акций более осведомленными и дает им возможность увидеть ситуацию во всей многогранности мнений, оценок и взглядов; в то же время это обеспечивает целенаправленность мобилизации, а также формирует психологическую вовлеченность, что так же способствующее переходу от установок к действиям.

Т. А. Эк Тин обращает внимание, что существует прямая корреляция между уровнем развития информационно-коммуникативных технологий и политическими протестами [104]. В. Лысенко и К. Десуза выделяют три стадии их взаимосвязанного развития на примере посткоммунистических режимов [89, с. 176–200]. Начало «тестирования» механики организации протеста в Интернете: 1997–2002 годы. Государства внедрили механизмы по контролю над использованием информационно-коммуникативных технологий. Оппозиционные организации функционировали на принципах вертикально-интегрированных структур, информационно-коммуникативные технологии имели второстепенное значение в политическом процессе. Интернет-сообщества были достаточно аморфны. Мобильная связь еще не имела массового распространения, а СМИ только начинали развивать собственные сайты. Во время акций протеста власти отключали телефонную связь и сервера используемые оппозицией, сайты подвергались блокировке, переписка перехватывалась. Протестующие нередко обходили эти ограничения благодаря специализированным технологиям (анонимайзеры).

Первый этап: 2003–2007 гг. Взаимодействие протестующих начинает строиться с

применением сетевых структур. Получили широкое распространение мобильные телефоны, что обеспечило постоянную связь. Взаимодействие основано на технологии Web 1.0, развивается онлайн радио и телевидение. Информационно-коммуникативные технологии дают возможность фиксации нарушений хода избирательного процесса, что подрывает легитимность выборов. Чтобы противостоять протесту власти используют локальные отключения мобильных сетей, DDOS-атаки, ужесточение нормативного регулирования Интернета, создаются группы лояльных блоггеров, преследуются Интернет-активисты.

Второй этап: 2008–2011 годы. Интернет становится широко доступным. Коммуникации основаны на технологии Web 2.0. Социальные сети и мессенджеры получают широкое распространение, что облегчает для граждан коммуникацию и мобилизацию. Власти предпринимали отключение сотовых сетей, Интернета. Активисты, в свою очередь, использовали спутниковую связь, другие каналы связи, VPN соединения. Правительства также усиливают контроль над протестными сообществами в Интернете, выявляют лидеров оппозиции в Интернет-пространстве (в том числе, через IP-адреса), фильтруют и подвергают цензуре Интернет. В ответ оппозиционные группы в виртуальном пространстве выходят из под юрисдикции своих государств и используют анонимайзеры. Актуализируется практика краудсорсинга и краундфандинга. Развитие информационных сервисов и технологий сформировало условия для появления гражданской журналистики, что повысило гласность организуемых мероприятий.

Каждый следующая стадия развития давала возможность повышать активность и эффективность мер используемых в ходе организации коллективного действия, так и в процессе противодействия ему.

При описании «цветных революций» как политического явления, Д. Лейн обращал внимание на их общую черту – попытку продвижения «демократии снизу». Несмотря на различное содержание, у этих процессов были схожие формы:

основным требованием протестующих являлось предоставление больших свобод, в том числе в сфере участия в политике; протестующие были сосредоточены на избирательных процедурах, а именно связанных с ними нарушениях; смена политических лидеров выступала конечной целью протестов; студенческая молодежь выступила ядром протеста [20, с. 17].

Есть некоторые особенности в процессе мобилизации сетевой акции протеста. Одним из них является обеспечение массового сопровождения мероприятий расширенной географией. Удаленное взаимодействие позволяет демонстрировать протесты из любой точки мира. Сетевая мобилизация граждан в акциях протеста зачастую имеет лидера, неформальные связи, а также взаимодействие с помощью Интернета. В последнее время в России нередко в протесте принимают участие известные люди, которые демонстрируют с одной из сторон конфликта солидарность, в качестве рядовых граждан страны, что повышает эффективность сетевой мобилизации.

Формирование горизонтальных отношений полностью не исключая лидерства как такового, помощников, организаторов на добровольной основе и умения брать на себя только желаемый объем ответственности способствует формированию инициативного, комфортного, продуктивного сообщества. С помощью неформальных связей и доверия членов сетевых движений друг к другу, аккумулируются ресурсы. Для осуществления материального обеспечения используются электронные платежные (WebMoney, Яндекс.Деньги и другие), перевод средств на банковские карты и т.д.

Участники, которые включены в сетевом движении, пользуются своими профессиональными навыками для его развития, обычные участники и ресурсы, которыми они располагают, являются инструментарием сетевой мобилизации. Еще одна особенность это реализация инициатив участников (мероприятия,

перформансы и т.п.) что так же делает сеть привлекательнее иерархических структур.

Первичным источником взаимодействия являются личные отношения и Интернет. Уже после поверхностного ознакомления может происходить встреча, объединения, собрания. Участие в движении может происходить и без каких-либо встреч с незначительными личными затратами, будучи разовым (флешмоб, слактивизм и т.д.). В протестных группах ключом является взаимодействие в Интернете (через соц. сети, блоги).

В общественном сознании становится очевидным алгоритм: проблема – протест – внимание общественности - действия органов власти [55].

Органы власти иногда могут проявлять свою растерянность перед лицом акций протеста, замалчивая конфликт. Вследствие чего конфликт может мирно закончиться не получив поддержки граждан («синие ведерки»). Или это может стать причиной эскалации конфликта с вовлечением масс населения, и в результате давления на протестующих, не пытаясь найти конструктивного решения, приведет к накоплению социальной напряженности. Наиболее массовые и успешные протестные выступления характеризуются отсутствием единого координационного центра и четкой иерархии. Достижение согласия по общей цели, взаимосвязь и равноправие участников, взаимозависимость, «горизонтальность» коммуникаций отличают протесты организованные в сетевой форме от традиционных иерархических.

Развитие деятельности сетевых организаций, как правило, имеет два направления: внутреннее и внешнее. Первое направлено на построение структуры ассоциации, обмен опытом, планирование мероприятий и т.д. Второе направление включает непосредственно активные публичные действия.

Интернет предоставляет новые инструменты для протеста. Под Интернет инструментами организации сетевого политического протеста в работе понимаются современные информационно-коммуникационные технологии, методы и каналы

организации и координации протестной деятельности и вовлечения в нее граждан.

Интернет дает возможность гражданам лучше понять конкретную проблему, что позволяет массово вовлекать население в протестные движения.

Помимо этого, широкая популярная социальные сети Вконтакте, Facebook, Twitter способствует поиску сторонников и ресурсов в Интернет-пространстве, и социальные группы формируются на основе общих интересов.

Непосредственному участию в протесте предшествует длительный процесс мобилизации. Б. Кландерманс выделяет два этапа процесса мобилизации [87, с. 107–120].

1. Мобилизация консенсуса. Участие, исходя общих интересов или взглядов требует совместного толкования того, кто должен действовать, как и почему.

2. Мобилизация действий. Сюда входит четыре под-этапа, сторонники должны: а) видеть общие проблемы, б) знать о предстоящем мероприятии, в) хотеть почувствовать, г) иметь возможность участвовать [107].

Первый этап мобилизации – мобилизация консенсуса. Она дифференцирует публику на сочувствующих и остальных. Чем она успешнее, тем больше участников войдет в движение (значит, и мобилизуется).

На втором этапе происходит разделение сочувствующих на тех, кто был целью мобилизации, и тех, кто не подвергнулся ее воздействию.

Третий этап дифференцирует сторонников, которые были целью мобилизации, на тех, кто мотивирован участвовать в конкретных мероприятиях, и тех, кого он не затрагивал.

Четвертый этап делит мотивированных людей на тех, кто действительно вовлечен в деятельность, и тех, кто остается вне активных действий. В Итоге чувствует небольшая часть населения.

Интернет-инструменты (в том числе социальные сети) не только формируют новые способы выражения протеста, но и усиливают уже существующие, например,

уличные демонстрации. Они так же минимизируют издержки на организацию протестов.[76]

Д. Мэрсиа интерпретирует Интернет-коммуникации с помощью двух тактовой модели [66, с. 210–230]:

1) «Запуск связи» – распространение информации среди других пользователей сети с целью повышения ее влияния и надежности.

2) «Коммуникация приема» – получение и изучение информации (в том числе по гиперссылкам), распространение которой было инициировано кем-либо.

Данная модель предполагает, что задействованные опытные активисты «запускают общение», тиражируют информацию, коммуницируют с другими участниками для разработки коллективных действий, вовлекают новых участников.

В процессе мобилизации важное значение также имеет формирование коллективной идентичности (ощущение причастности к группе, которая осуществляет коллективные действия по общему актуальному вопросу) [108, с. 210–230].

Существуют различные точки зрения касательно роли коллективной идентичности. В любом случае, в этом аспекте процесс построения доверия между участниками общения имеет решающее значение. В то же время интернет-коммуникация сама по себе создает множество препятствий для ее формирования. Задача решается с учетом двух факторов:

1) избирательный подход к формированию групп участников в социальных сетях, позволяет мобилизовать исключительно лояльных индивидуумов [87];

2) персонализация деятельности в коллективных действиях [62].

В организованном и структурированном коллективном действии индивидуальная мобилизация строится на основе коммуникации (сетевых связей) с основными организационными узлами, выступающими движущей силой мобилизации новых участников движения [78, с. 386–401]. Такие социальные сети помогают

распространению и внедрению заранее определенных коллективных идентичностей, закрепленных в рамках этого коллективного действия.

Д. Мэрсиа обращает внимание, что идентичность связана с опытом участия в протестных движениях и никоим образом не зависит от членства в организации, и что общение через социальные сети не обеспечивает широкого привлечения новых активистов [93, с. 402–403]. Нередко участие ограничивается слактивизмом, у большинства граждан нет времени. Использование социальных сетей может в определенной степени заменить организационную структуру в процессе мобилизации новых участников [93, с. 403].

П. Гербаудо указывает, что массовые современные коллективные действия («Арабская весна», «окупай Уолл-стрит») базировались на новых формах лидерства и организации, основанных на передовых коммуникационных технологиях [82, с. 194]. Лидеров этих движений можно считать ведущими игроками в конструировании и регулировании информационных потоков между различными группами, обеспечивая передачу информации в глобальном мире. Их действия имеют возможность ускорять ее передачу, и, наоборот, затормозить, прекратить. Именно из-за шагов, предпринимаемых этими субъектами, происходит самоорганизация индивидов и координация коллективных действий.

Исследования З. Тафочи протестных движений в Египте и в Стамбуле по сохранению парка Гези, позволили заключить, что коллективные действия привели к формированию довольно сильных идентичностей и межличностных связей, сохранившихся после завершения протестных действий [105]. При задействовании Интернет-инструментов появляется возможность превращать определенные действия отдельных лиц, которые учувствуют в современных движениях и протестных акциях, в своего рода развлечение, что повышает привлекательность соучастия в них, что помогает преодолеть дилемму «безбилетника».

Особый тип механизмов онлайн-протеста представлен методами и инструментами

пассивных форм участия индивидуумов в политических процессах, например, без оценочное восприятие информации (включая дезинформацию), а также участие в дискуссиях на интернет-сайтах, социальных сетях, форумах. Эти инструменты, несмотря на пассивный характер участия, по-прежнему служат фактором образования групп и сообществ, которые объединены политическими взглядами, а стирание географических границ в Интернете позволяет объединять сторонников из разных стран и регионов.

Таким образом, протестная деятельность в Интернете может быть либо пассивной, либо активной, а ее аудиторию можно дифференцировать на организаторов, активистов и «сочувствующих» – тех кто пассивно потребляет информации.

Использование хэштегов в Интернете становится все более распространенным и используется для оперативного информирования граждан о протестах, митингах, конкретных организационных моментах. Кампания протеста привела к свержению президента Х. Мубарака в 2011 году.

В 2011 – 2012 гг. в российском сегменте Интернета стали распространёнными хэштеги #болотная, #митинг, #честные выборы #сахарова.

Интернет-технологии в 2010-е годы придают протестам новое качество. Twitter и Facebook не были необходимыми каналами связи, но они, все же, стали фактором развития политического протеста нового типа. Социальные сети стимулировали неудовлетворенных граждан к активным действиям, форсировали процессы складывания общественных движений и усиливали их воздействие на правительства. Одна из заслуг новых медиа в том, что они позволяют протестным движениям развиваться с ранее невозможной скоростью и обретать огромную аудиторию. Современные революции и акции протеста немислимы без Интернет-сопровождения, то есть, имея учетную запись в Facebook с тысячами подписчиков, специального «хэштега» в Twitter, где вы можете быстро и кратко передать

информацию тысячам людей. Таким образом, Интернет-приложения, платформы и ресурсы становятся важнейшими отличительными характеристиками новой волны протестных коллективных действий.

Еще в 2012 году почти никто не использовал мессенджеры, но в 2016 число пользователей WhatsApp достигло 18% активного Интернет населения, превысив по популярности Facebook и Instagram [60]. К 2017 году мессенджеры стали широко распространены. Осень 2018 года у более чем половины абонентов установлен хотя бы один мессенджер. Принципиально новым было их использование не исключительно в частном общении, но и в организации коллективных действий, а также распространении информации. Интересным явлением явились Telegram-каналы, которые появились в 2017 году. Stream каналы дающие возможность демонстрировать события в реальном времени. Например, почти 11-часовую трансляцию акции 28 января 2018 года в поддержку «забастовки избирателей» суммарно посмотрело более 1,5 млн пользователей [58].

Таким образом, интерактивные возможности Интернета, которые в корне отличаются от традиционных методов политического общения, стирают географические границы и устраняют институциональные и структурные ограничения прямого политического участия и коллективных действий, минимизируя расстояние между гражданами и органами власти, расширяя горизонты культура гражданства. Развитие информационно-коммуникационных технологий, предоставляющих гражданам новые механизмы организации протестной деятельности, участия в политике в целом и в частности в протестных акциях, одновременно являются значимой проблемой вызовом для современных правительств, вынужденных находить:

- 1) адекватные пути преодоления этой активности;
- 2) способы обеспечения национальной безопасности в условиях безграничного Интернета.

Помимо этого, актуальными остаются вопросы разработки методологии проведения кампаний протеста, организуемых с использованием сетевых структур и Интернет, особенно на этапе прегрешения конфликта – урегулирования ситуации, спровоцировавшей протест. Протестующие используют наименее ресурсоемкие инструменты – информационную работу в сети Интернет. Также анализ литературы показывает что социальные сети наиболее востребованный канал взаимодействия и одновременно наиболее простой инструмент организации коллективных действий.

2.2 Результативность сетевого политического протеста

Немаловажным является вопрос воздействия сетевого политического протеста на информационное пространство. Интернет и в частности, социальные сети стали девственным инструментом организации политического протеста и каналом горизонтальных связей в России. Также социальные сети используются людьми для выражения своей точки зрения. Эта, своего рода, политическая деятельность, и она подразумевает высокую степень интеграции, большую активность в сборе и обработке информации, глубину мышления [71, с. 66–68]. Активная демонстрация разнообразных точек зрения в социальных сетях может способствовать развитию протестной активности. Выражая свою точку зрения, люди сосредоточены на привлечении внимания других к политической деятельности [87]. Социальные сети создают идеальные условия для развития коллективного действия, поскольку они представляют собой «набор коммуникативных процессов, которые связаны с пересечением границы между общественной и частной сферами жизни» [95]. Коммуникации создают условия для взаимодействия, объединения людей с помощью каналов передачи информации. Цифровые технологии увеличили скорость

обмена информацией и расширили охват во времени и пространстве. В то же время информационные потоки контролируются определенными субъектами, которые создают каналы связи [95].

Контроль информационных потоков дает власть. Связь в Интернете и сети способствовали децентрализации информационных потоков, устраняя тем самым традиционную асимметрию с доминированием элиты.

М. Кастельс [70, с. 592] обращает внимание на то, что власть основана на контроле над каналами коммуникации и информацией, а также на способности влиять на общественное мнение. Участники протестов используют социальные сети, поскольку они позволяют выстраивать политическое общение и быстро формировать коллективные действия, основанные на цифровых технологиях, для проведения и координации акций протеста. В результате цифровые технологии предоставляют такие ресурсы, которые ранее были сосредоточены (формировались) в общественных организациях. Общение через социальные сети является альтернативным способом организации коллективных действий, основанных на индивидуальном обмене. Развитие сетевых форм организации протеста современными правительствами рассматривается как серьезная угроза. Прогресс в сфере информационно-коммуникационных технологий, проникновение глобальной сети Интернет, использование виртуальных социальных сетей и в частности мессенджеров, все большим количеством людей существенно изменили как методы организации протестной деятельности, так и формы ее проявления. Власти государств вынуждены искать новые методы противодействия протестным акциям, которые были бы эффективны и адекватны современным реалиям. Понимание значения акций протеста как сигнала о существующих дисбалансах подтверждается фактом контакта президента России Владимира Путина в ноябре 2017 г. с активистами из Челябинска. Президент сделал телефонные звонки: лидеру движения «Стоп ГОК», представительнице обманутых дольщиков [41].

Алгоритмы противодействия протестам в глобальной сети фактически не были институционализированы, однако противодействие органов власти «революционному» Интернету ведется довольно активно. Примерами могут служить: блокирование доступа к Интернету египетскими властями из-за революционных событий на некоторое время [37]; в КНР доступ к мировым социальным сетям вообще ограничен [39].

В мировой практике на сегодняшний день существует ряд механик противодействия интернет-протестам:

- дублирование, проведение подобных акций;
- игнорирование;
- нормативно-правовое регулирование на государственном уровне;
- дискредитировать репутацию лидеров акций протеста;
- силовые методы противодействия;
- уступки;
- уголовное преследование;
- хакерские атаки [31, с. 280–283].

Совокупность методов регулирования интернет-пространства властями имеет национальные особенности, так в России часто прибегают к игнорированию, нормативно-правовое регулированию сферы. К таким способам как дублирование или «отзеркаливание» прибегают в основном системные партии партий и молодежные организации, которые действующую власть поддерживают. Существует мнение, что образ гаранта политической стабильности Президента В.В. Путина, который не допустит повторения хаоса 90-х, помимо прочего является инструментом минимизации протеста, нарастающего и в Интернет-сообществах [83].

Социальные сети усложняют функционирование авторитарных режимов, которые всегда стремятся предотвратить распространение негативной информации, форс-

мажорных новостей. Именно из глобальной сети тунисцы узнали о самоподжоге М.Буазизи в Сиди-Бузид [59].

Осознавая важность интернет-сервисов в акциях протеста, власти неоднократно блокировали их, чтобы нейтрализовать организаторов и лидеров акций протеста и снизить активность протестующих. Примером может служить блокировка Telegram и Instagram в Иране в конце 2017 начале 2018 гг. во время массовых протестов (блокировка была осуществлена по причине отказа мессенджера заблокировать каналы в Telegram, используемые протестующими.) [38].

Примером того, как попытка российских властей контролировать Интернет-пространство ни к чему не привела, может служить намерение заблокировать сообщество протестной акции 24 декабря 2011 года в Вконтакте [113]. Считается, что П. Дуров отказал ФСБ в просьбе заблокировать данное сообщество.

Регулирование деятельности в сети Интернет современными государствами рассматривается как важное направление обеспечения безопасности. Развитие глобальной сети (в рамках политической и коммерческой деятельности) детерминировало ряд действий Российских властей в регулировании различных форм деятельности в Интернет-пространстве, анализируя которые, можно выделить несколько основных предпринимаемых шагов:

1) Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций была наделена полномочиями блокировать доступ к сайтам содержащим противоправный контент. Президент России в декабре 2013 года подписал закон, который предусматривает возможность блокировать доступ к сайтам, содержащим призывы к массовым беспорядкам и информацию экстремистского характера [35]. данный закон имеет особое значение в контексте функционирования «белоленточного» движения в 2011 – 2012 годов. Все его акции были организованны с помощью социальных сетей и веб-сайтов. Фактически эти действия можно квалифицировать как призывы к массовым беспорядкам, а сайты

заблокировать без решения суда.

2) В июле 2014 года Правительство приняло постановление, запрещающее анонимный доступ к Интернету в публичных Wi-Fi сетях (метро, различные заведения парки и т.д.) [48]. Постановление обязывает пользователей оператором связи, все данные оператор связи обязан хранить полгода, а также по запросу предоставлять правоохранительным органам.

3) Правительственные структурами работают над различными механизмами установления контроля над международным трафиком и доменным пространством в зонах .ru и .рф с фильтрацией всего сетевого контента.[56] Министерство коммуникаций и связи в июле 2014 провело учения, в ходе которого были разработаны сценарии отключения сети Интернет как изнутри — в случае чрезвычайных ситуаций, так и снаружи — в случае «злонамеренных действий».

4) Правительство в июле 2014 обязало руководство социальных сетей и других популярных ресурсов установить специальное оборудование и программное обеспечение, благодаря которому спецслужбы смогут автоматически получать информацию о действиях пользователей этих сайтов.

5) Еще один ограничительный механизм это действия правоохранительных органов, направленные на контроль за целевым использованием средств, собранных методом краудфандинга. Примером может служить, проверка расходования В. Ашурковым, Н. Ляскиным, К. Янкаускасом средств, собранных с целью финансового обеспечения избирательной кампании А. А. Навального выборах мэра Москвы в 2013 году [42].

Средства собирались с помощью платежных систем, и затем вносились на официальный избирательный счет кандидата. Организаторов сбора средств обвинили в мошенничестве и нарушениях требований законодательства о финансировании избирательных кампаний. Следственные действия проводились не только в отношении указанных лиц, но и в офисе сервиса «Яндекс Деньги», с

помощью которых проводился сбор средств [57]. Действенным инструментом противостояния в Интернет-пространстве являются взломы сайтов и DDoS-атаки (атака на вычислительную систему с целью довести её до отказа, иначе говоря, создание условий, при которых доступ к предоставляемым системой ресурсам затруднен или ограничен).

В период с 2008 по осень 2011 гг. на социальных и политических порталах (в частности, на сайтах «Новой газеты», «Ведомостей» и блогов LiveJournal) было зарегистрировано 17 случаев DDoS-атак.

Нужно отметить, что несмотря на небольшое разнообразие механик противодействия Интернет-протестам, их вариативные комбинации (различные сочетания с различными акцентами и интенсивностью) делают их эффективным инструментарием борьбы с акциями протеста, которые формируются и координируются в Интернете.

Правоохранительные органы оказывают значительное влияние на возможность достижения поставленных целей, так как они принимают участие в формировании среды, в которой осуществляется гражданское неповиновение [50].

Уголовное преследование лидеров и демонстрантов является редким явлением и одной из наиболее значительных угроз. Так называемое «дело Болотной» является одним из самых известных случаев уголовного преследования – против демонстрантов в 2012 году на Болотной площади в Москве, когда было задержано около 400 человек, против 30 из них подверглись уголовному преследованию.

Примером, демонстрирующим влияние акций протеста на органы власти являются решения, которые были приняты под давлением протестной волны 2011–2012 годов. В частности, 16 января Председатель Правительства внес в Государственную думу проект закона о прямых выборах губернаторов [46] и о введении 225 «территориальных единиц» на выборах в нижнюю палату Федерального собрания, а также о снижении минимальной порога численности

партий до 500 человек. Чтобы снизить накопившуюся социальную напряженность, власти были вынуждены согласиться и признать массовые протесты против фальсификаций на выборах депутатов Государственной Думы шестого созыва. Чтобы продемонстрировать свою легитимность, были организованы массовые митинги в поддержку В.В. Путина.

Конкретные меры по налаживанию диалога с протестующими осуществляются лишь в ситуации, когда возникшая волна протеста нарастает, продуцирует общественный резонанс, становится заметным в публичном пространстве и уже не может быть остановлена по-другому. Рассматривая противодействие акциям протеста с участием правоохранительных органов, исследователь использует категорию «полицейская философия», в рамках которой рассматриваются возможные варианты работы правоохранительных органов с протестующими [99, с. 824–842]. Смит отмечает, что в демократических государствах использование полицейских сил против протестующих возможно, однако, полицейские должны быть сосредоточены на переговорах с протестующими, исключая возможность ареста протестующих для недопущения использования гражданского неповиновения в будущем в качестве средства влиять на публичную сферу.

Выбор модели поведения правоохранительных органов детерминирован их ролью в социуме – они служат защите интересов государства, или гражданам и защите демократического процесса [94, с. 91]. Полицейская философия в первом случае будет допускать более жесткие действия в отношении протестующих, соответственно, во втором – более мягкие [99].

Выбор правоохранительными органами конкретной модели действий в отношении протестующих должен быть предопределен самой их функцией – защитой демократических условий для осуществления перемен [109, с. 190].

У. Смит указывает факторы, которыми мотивировано решение

правоохранительных органов вести переговоры с протестующими. Он отмечает, что стратегии «предотвращения» или «управления» уменьшают потенциальную выгоду общества и отдельных лиц от кампаний гражданского неповиновения. В связи с тем, гражданское неповиновение проявляется в форме незаконных акций протеста, оно является эффективным средством рекламы и привлечения внимания к оппозиционным точкам зрения, создавая тем самым условия для публичных дебатов и соотнесения различных позиций и аргументов.

Стратегии «предотвращения» или «управления» не дают возможности создавать одинаковые условия для общественной дискуссии. Стратегия «соглашений» дает преимущества правоохранителям, которые не могут быть получены при других стратегиях – она в меньшей степени способствует эскалации напряженности между правоохранителями и протестующими и создает условия для укрепления доверия, повышает способность поддерживать общественный порядок. Стратегия «соглашений» является целесообразной и желательной в той мере, в какой и когда имеются эффективные каналы связи между протестующими и правоохранителями – до или во время гражданского неповиновения. Власти склонны использовать тактику игнорирования протеста – что характерно для большинства регионов. Это можно объяснить тем, что протесты в регионах слишком малы для того, чтобы обращать на них внимание, другими словами протест в большинстве регионов сегодня не является угрозой для действующей власти, а при малейшем появлении угрозы власти выбирают жесткие методы ее подавления или идут на диалог.

Естественно выглядит предположение, что важнейший механизм снижения протестной напряженности это устранение проблем, связанных с личными интересами граждан. Без устранения этой причины недовольство будет только расти. Неудовлетворенность уровнем жизни широких групп населения порождает формирование чувства недовольства системой управления жизнью общества и деятельностью конкретных государственных чиновников. В то же время уже

сложившееся общественное мнение об исключительной ответственности органов власти по решению всех социальных проблем заставляет граждан искать способы воздействия на власти.

Неотъемлемой частью решения вопросов общественного развития является создание эффективных каналов коммуникации граждан и их объединений с властью и их представителями. Что является реализуемым только в условиях развитой сферы публичной политики. В то же время подавление протеста с применением силы не устраняет его причин и служит фактором роста неконтролируемых протестов в будущем.

Таким образом, можно говорить о том, что государству необходимо реагировать на развитие сетевой формы организации гражданской активности в целом и в частности протеста. С одной стороны, органы власти стремятся к контролю деятельности в Интернете. «Закон Яровой» требует от операторов связи хранить переписку пользователей в течение шести месяцев, метаданные, а также, передавать Федеральной службе безопасности ключи шифрования. Также была предусмотрена обязанность идентификации всех пользователей Интернета и мессенджеров. Таким образом, создана нормативно-правовая база позволяющая минимизировать анонимность действий в сети Интернет и возможность восстановить хронику действий всех пользователей. Кроме того, пакет поправок вводит в практику возможность лишения свободы на срок от пяти до десяти лет за склонение к участию в массовых беспорядках, вербовку иное вовлечение в организацию массовых беспорядков.

Так же В 2017 году принят закон, который запрещает сервисам в обход блокировок предоставлять россиянам доступ к запрещенным сайтам [36]. Характерным примером решения жестко регулировать данную сферу является решение суда о блокировке мессенджера Telegram в России весной 2018 года.

Особый интерес представляет степень эффективности протеста, реализованного в

рамках сетевой структуры, в сравнении с классическими централизованными формами его организации.

Сетевые протесты особенно эффективны в ситуации, когда межличностные сети поддерживаются технологическими платформами, которые дают возможность координировать и масштабировать коллективные действия.

Сетевое взаимодействие более эффективно обеспечивает коллективное производство и распространение информации и идентичностей, чем распространение контента и отношения, которые базируются на иерархических структурах [61, с. 745]. Такие коллективные действия являются хорошо организованными и структурированными при наличии необходимых источников ресурсов (спонсоров) и массовой поддержки на основе тесно взаимосвязанных личностей с использованием технологических медиа-платформ [61, с. 756]. В таких условиях коммуникация между индивидуумами создает между ними отношения, которые укрепляют саму организацию. Поэтому спонтанные массовые коллективные действия, которые основаны на сетевой структуре, особенно эффективны, в том числе при адаптации к изменяющимся внешним условиям.

В то же время, следует признать, что интернет-активность не всегда является наиболее эффективной. Участники новых протестных движений, например, OccupyWallStreet, Indignados, не смогли добиться поставленных целей, участники протестных акций в Египте в результате получили диктатуру [112]. Интернет упрощает распространение информации о протестных мероприятиях, что дает возможность недовольным гражданам принять участие в них [76, с. 156-172], а так же формировать коллективную идентичность, которая активно способствует организации коллективных действий путем конструирования дихотомии «свой» «чужой».

Сторонники теории мобилизации ресурсов считают, что открытые и развитые общества имеют условия более благоприятные для социально незащищенных групп,

что делает протест распространенным явлением, потому как он дает им возможность улучшить собственное положение. Наличие общественных организаций и других форм гражданского общества позволяет гражданам защищать свои интересы участвуя в коллективных действиях.

Для достижения этих целей такие группы аккумулируют дополнительные средства, мобилизуют активистов, выстраивают коммуникации и формируют коалиции для противодействия действующей власти [114].

Ф. Пивен и Р. Клаурд считают, что институционализированные и оформленные согласно законодательству объединения граждан являются «намордниками» на их разрушительный потенциал [96, с. 18]. В следствии чего, в подобных организациях складываются элементы «рутинизации», «стандартизации», и «бюрократизации», в противовес «спонтанности», которой становится все меньше [102]. Средства массовой информации и новые меди постепенно начинают проявлять внимание к коллективному действию. Это дает возможность повысить осведомленность людей о наличии проблемы, что позволит привлечь часть из них к коллективным действиям, начать конструировать коллективную идентичность среди пострадавших от явного нарушения прав и интересов. В результате новые активисты мобилизуются в ряды участников коллективной акции, организуются новые акции протеста, что привлекает больше внимания СМИ и новых медиа. Организация этих акций протеста увеличивает интенсивность внутригруппового общения, тем самым дополнительно формируя коллективную идентичность. В следствии чего генерируется усиливающееся коллективное действие, основанное на сетевых структурах (принцип спирали). Поэтому, чем позже власти начнут принимать меры в отношении выявленной проблемной ситуации, тем больше им придется взаимодействовать с более организованной и сплоченной группой, тем более жесткими и масштабными требованиями они будут сталкиваться. Адекватный и своевременный ответ властей на акцию протеста невозможен без ее присутствия в

сфере информационных сетей, а эффективность протеста во многом зависит от масштабов и активности сетевых взаимодействий граждан.

Таким образом, можно констатировать, что развитие информационных и коммуникационных технологий существенно изменило способы организации протестной деятельности, но мало повлияло на эволюцию реакции государства на них. Информационное пространство новых медиа должно восприниматься властями не как угроза безопасности, а как действенный канал обратной связи с населением, но на сегодняшний такой понимания не наблюдается.

Учитывая слабость институтов местного самоуправления, участие граждан в процессах разработки и принятия политических решений серьезно ограничено. В связи с этим необходимо принять меры по расширению реальной экономической и политической автономии местного самоуправления. По сравнению с федеральным и региональным уровнями управления местное самоуправление является той областью, где нужно решать проблемы.

Также важным направлением представляется адаптация структур и действий государства к сетевым требованиям. Возросшая Интернет-активность требует от органов государственной власти заниматься мониторингом глобальной сети. Такая деятельность осуществляется, в том числе, правоохранительными органами с помощью специального программного обеспечения [45].

В СМИ не раз появлялись материалы, в которых отмечалось существование специальных структур обеспечивающих информационное сопровождение деятельности органов власти. Наиболее яркий примером можно считать так называемую «фабрику троллей». Также успешным кейсом нейтрализации протестных настроений можно считать портал «Активный гражданин» запущенный по инициативе Правительства Москвы. Портал представляет собой систему электронных опросов по общегородским и отраслевым проблемам, в политологическом сообществе высказывается мнение что данный проект помог

мэрии привлечь на свою сторону значительную «креативного класса» предоставляя возможность учувствовать в обсуждении вопросов затрагивающих интересы жителей, решение которых является компетенцией органов власти Москвы, и мнение пользователей действительно учитывается при принятии управленческих решений. Таким образом, разумное и своевременное реагирование власти на протестную активность представляется невозможным без присутствия в информационном сетевом поле, а успешность протеста в достижении целей в значительной степени определяется масштабом и активностью сетевых взаимодействий граждан. Наиболее распространёнными являются проблемы критически значимы для граждан:

- 1) трудовые (закрытие градообразующих предприятий, «Антиплатон»),
- 2) жилищные (обманутые дольщики, валютные ипотечники),
- 3) экологические («мусорные» протесты в Подмосковье, Архангельской области).

Ни одной из парламентских политических партий не удалось возглавить спонтанно формирующийся сетевой протест. Они лишь становились структурными элементами (партнерами) в протестной коалиции, делая ее сильнее. Конечно, партии (зачастую, это КПРФ, «Справедливая Россия», ПАРНАС) получали свои политические дивиденды. Но они, скорее, являлись партнерами локального и спонтанно сформировавшегося координационного ядра сетевого протеста, предъявляющего требования власти по решению существующих проблем, но не встали во главе.

Выводы по главе 2 – наиболее эффективными становятся движения, организованные не на иерархической, а на сетевой структуре. Горизонтальные связи между элементами цепи делают такие движения стабильными и более адаптивными, приспособляемость и скорость реакции за счет быстрых и удобных способов коммуникации, в сравнении с «вертикальными» моделями коммуникации. Благодаря своим преимуществам сетевые инструменты гражданской активности

получают все большее распространение. Ярким примером подобных сетевых структур стали Интернет-приложения. Для наиболее массовых и успешных протестных движениям характерно отсутствие одного координационного центра и жесткой иерархической системы. Движение способно добиваться еще большей результативности в случае сотрудничества самостоятельных общественных и политических лидеров и объединения их ресурсов, когда формируется коалиция, стремящаяся к достижению общей цели. За счет авторитета лидеров, объединяющих свои усилия ради достижения общего результата, формируются новые горизонтальные каналы коммуникации внутри протестного движения, и благодаря синергетическому эффекту, это приводит к увеличению их успешности. Эти принципы в полной мере реализованы в сетевых структурах. Эффективность сетевых форм коллективных действий достигается благодаря оперативности, интерактивности, экстерриториальности, целенаправленности Интернет-коммуникации. Активисты предпочитают наименее затратные в ресурсном отношении инструменты – информационную работу в Интернете. Такие разновидности активности в социальных сетях, как публикация заявлений и обсуждения, просты в использовании и потому наиболее популярны. Инструменты более сложные (сбор подписей, сбор средств, флешмобы,) используются теми, кто имеет возможность и необходимость в них. Организация и осуществление протестных акций в Интернете отличается от традиционной политической кампании во многом из-за коммуникационной среды технологических особенностей в которой она проводится.

Действующая система управления «закрывает» восходящие каналы коммуникации между обществом и государством. Вследствие чего, информация о социальных проблемах не доходит до необходимых уровней в управленческой иерархии. Что также, приводит к росту напряженности и недовольства в обществе.

В результате единственно доступным способом коммуникации граждан и

правлящей власти и сигналом об имеющихся противоречиях становятся протестные выступления. При этом, власть нередко не реагирует и на протестные выступления.

В тоже время, практика акций протеста и анализ материалов средств массовой информации наглядно демонстрируют, что сама протестная активность является предиктором для власти в решении проблем. В общественном сознании все прочнее закрепляется алгоритм действий: проблема – протестные выступления – привлечение внимания – конструктивная реакция властей. Такой взгляд на механизм протестной активности в обществе может стать фактором ее более активного роста, поскольку граждане не видят других каналов восходящей коммуникации.

Также необходимо отметить, что власти, стремясь разрешить существующую проблему, не всегда адекватно реагируют на проявления недовольства граждан ситуацией. Очевидная реакция властей – подавить протесты, не пытаясь устранить их причину. Оказание прямого давления на лидеров, один из распространённых методов противодействия протесту, который в конечном итоге, ведет к прекращению протестной активности, однако не позволяет разрешить противоречия, которые ее вызвали. В результате происходит опасное накопление протестного потенциала, что может привести к более масштабным выступлениям.

На этапе формирования протестов органы власти зачастую замалчивают и игнорируют протестную активность. Нередко протестная активность сама снижается из-за давления со стороны властей или нехватки ресурсов.

Власти намеренно замалчивают протест или оказывают давление на протестующих, и только в случае увеличения масштабов протестной деятельности или ее выхода за пределы региона власти начинают общаться с протестующими, однако здесь цели связи лежат в плоскости минимизации протеста, а не причин которые породивших протест.

Чтобы уменьшить внимание общественности к акциям протеста,

предпринимаются соответствующие действия для снижения интереса СМИ. Это делается как за счет оказания давления непосредственно на средства массовой информации и их сотрудников, так и в конструировании повестки дня. В ответ на активизацию протестных действий в Интернете власть предприняла целый ряд действий по нормативно-правовому регулированию активности в глобальной сети. В результате властям удалось повысить подконтрольность общественно-политических процессов в Интернете, создать возможность снижения масштабности и активности (а иногда и предупреждения) массовых протестных действий в сети.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сетевой политический протест это форма коллективного действия, которая ориентирована на оспаривание устоявшихся социальных норм, устранение сформировавшихся дисбалансов в общественно-политических отношениях с помощью различных инструментов мобилизации ресурсов на основе сетевого взаимодействия. Он базируется на горизонтальных структурах, что дает возможность повысить эффективность коммуникации между активистами, мобилизовать новых участников и ресурсы, воздействовать на процесс принятия решений. Важная особенность сетевого политического протеста – организация с применением информационных технологий и новых медиа.

В науке сформировалось два подхода к пониманию сети: как к специфической многоуровневой организационной структуре, в которой взаимодействуют автономные субъекты, и как к модели взаимоотношений, базирующихся на использовании ИКТ и Интернета. Внутри сети происходит коммуникация участников, в результате которой формируется общее мнение и взгляды относительно событий, и способов решения проблем.

Важный аспект протеста проявляется в том, что участники протестных акций реагируют на следствия проблем, практически не протестуя против вызвавших их причины. Протест формируется против уже обнаруженного нарушения прав и интересов, является следствием существующих дисбалансов в обществе, где представители ущемленных групп, не видят поддержки со стороны власти или являются недовольными принимаемыми решениями, само организуются чтобы обратить на себя внимание или на возникшую проблемную ситуацию. Включение широких масс населения в формирующийся протест, активное распространение информации о нем и обсуждение в информационном пространстве дает возможность

повлиять на процесс выработки и принятия решений в условиях недостаточной эффективности классических форм представительства интересов.

Субъектами протеста являются граждане, находящиеся в сложных социально-экономических условиях, средний класс, творческая интеллигенция, радикально настроенные индивидуумы, внепарламентские организации, реже политические партии. В формирующемся движении образуется координирующий центр, управление основывается на соучастии. Группы протеста имеют довольно слабые организационные структуры, это дает возможность вовлекать значительное количество союзников и формировать партнерства коалиции. Благодаря чему, организационное ядро не привязано к каждому конкретному участнику и может продолжать деятельность даже в условиях потери поддержки одного из партнеров.

Интернет стал важнейшим инструментом, значительно упростивших организацию сетевого политического протеста. Кроме того, в нем существуют приложения, которые позволили сформироваться новой коммуникационной среде, которая успешна используется в протестных действиях. Эффективность и успешность протестных акций зависит от масштабов мобилизации граждан, формирования широкой коалиции партнеров. Добровольно присоединяясь к протестной коалиции, субъекты формируют условия для достижения собственных интересов, вкладывают ресурсы в организацию коллективных действий, таким образом создавая возможность длительной протестной кампании. Среди основных факторов успешности протеста: сильный универсальный бренд; актуальная достижимая краткосрочная цель; гибкая сетевая структура; конкретизация и структуризация задач; использование дешевой, удобной, децентрализованной технологической инфраструктуры.

Сети подразумевают горизонтальные взаимоотношения, но полностью не исключают лидерство. Новое лидерство основано на контроле коммуникаций и информации, способности влиять на общественное мнение, децентрализованном

управлении, культурой сотрудничества, частичной вовлеченностью. Наибольшее распространение приобретают механики активности в Интернете, некоторые требуют минимальных затрат и вовлеченности (обсуждения, голосования, комментарии, обращения, хэштеги, онлайн флешмобы). Краудсорсинг и Краудфандинг позволяют вовлекать значительные массы людей для решения конкретных проблем (финансовых, интеллектуальных и др.).

Наиболее распространенная модель развития протеста: формирование ядра группы протеста – проведение массовой, масштабной и яркой акции – массовое освещение акции в Интернете – освещение протестной акции в традиционных средствах массовой информации – включение новых активистов в протест – привлечение внимания органов власти – действия властей в интересах протестующих.

Новые информационные технологии, социальные сети представляют собой инструменты влияния на органы власти. Они позволяют создавать повестку, демонстрировать массовость участия, привлекать сторонников.

Использование данных инструментов коммуникации дает возможность формирования связей, собирать ресурсы и реализовать политическую кампанию. Прогресс в сфере информационных технологий на фоне несовершенства функционирования политических институтов приводит к тому, что граждане (прежде всего, молодежь) переключаются на новые каналы взаимодействия и формы активности. Можно выделить положительные эффекты влияния Интернета на сетевой политический протест: организационные (повышение устойчивости и увеличение скорости мобилизации; повышение информационной прозрачности, снижение операционных издержек, физической безопасности активистов; упрощение сбора средств и др.); коммуникативные (позволяет взаимодействовать с большим количеством субъектов, является источником информации / новостей, позволяет вести открытые дискуссии, ускоряет процесс коммуникации и

распространение информации и др.); мобилизационные (возможность таргетированной работы с аудиторией, помогает вовлекать новых сторонников и проч.) и, условно говоря, «созидательные» (формирование социального капитала: формирование доверительных отношений и коллективной идентичности, формирующих потенциал для дальнейшего вовлечения в акции протеста; персонализировать активность и т.д.). В то же время существуют угрозы, которые возникают из использования Интернета: потеря конфиденциальности информации и анонимности; уязвимость для кибератак ресурсов протестующих; наличие пределов неиерархической и не институциональной мобилизации; подмена реальной деятельности виртуальной.

Для современных правительств развитие сетевого политического протеста является серьезным вызовом. Можно выделить ряд подходов противостояния сетевым протестам: игнорирование; проведение дублирующих акций; уступки; законодательные ограничения; хакерские атаки; ограничение возможностей коллективного действия в Интернете; силовое противодействие, дискредитация лидеров протестов уголовное преследование. Зачастую меры по налаживанию диалога с активистами и урегулированию проблем, которые стали причиной протестных акций, начинают предприниматься, когда невозможно противостоять протесту другими способами, потому как он набирает значительный масштаб. Наиболее распространенной мерой противодействия протестам является создание административных барьеров для организации уличных мероприятий. Поэтому снижению протестной активности должна способствовать своевременная реакция властей на возникающие дисбалансы в обществе, нарушение прав и интересов граждан, конструктивный диалог должностных лиц с лидерами мнений, привлечение граждан к разработке и принятию важных решений. При этом протест должен рассматриваться как естественный сигнал со стороны общества, призыв к поиску компромисса и вариантов разрешения существующих проблем, а не как патология. Применение запретительных или ограничительных мер в сетевом

информационном пространстве, которые нередко используют правительства, являются не только не эффективными, но и наносят вред процессу выстраивания коммуникации общества и власти. Что, в свою очередь, приводит к накоплению протестного потенциала, отсутствие возможности выражения в доступной для любого гражданина форме, в том числе и в виртуальном пространстве, порождает риск, что при достижении критического уровня он способен перерасти в открытые протестные действия. Потому, чем на более поздней стадии органы власти начинают реагировать на выявленную проблемную ситуацию, тем с более сплоченной, радикализованной и организованной группой им придется взаимодействовать, тем с более масштабными и радикальными требованиями столкнутся. Разумным выходом из такой диспозиции для органов власти является постоянное отслеживание гражданской активности, коллективных действий, складывающихся групп несогласных и недовольных для встречного движения и взаимодействию по волнующим их проблемам на начальных этапах протестных акций. Подобный подход потребует от власти меньших уступок, отнимет меньше ресурсов в процессе предотвращения коллективных протестных действий. Общество также выиграет от такого рода стратегий органов власти, потому как оно получит устранение дисбалансов, будет минимизирована возможность применения к протестующим санкций со стороны государства. Участники протестных движений, в свою очередь, также не понесут издержек от протестов, с которыми они вынуждены сталкиваться при организации, подготовке и осуществлении протестных мероприятий. Таким образом, адекватная и своевременная реакция власти на протестную активность не представляется возможной без присутствия в информационном поле, а результативность протеста в немалой степени зависит от масштабности и активности сетевых взаимодействий граждан.

Важной составляющей для развития современного сетевого протеста явилось развитие Интернета, который предоставил широкий спектр возможностей для

организации коллективного действия (облегчение коммуникации, привлечение ресурсов и т.д.). Органы власти нередко игнорируют протестующих, заставляя их тем самым повышать градус активности, вовлекать широкие массы людей, активизироваться в информационном пространстве. Достигнув критического уровня выражения протеста, протестующие встречают противодействие со стороны властей. Разрешая проблемы, ставшие причиной протеста, органы власти снимают наиболее серьезные общественные дисбалансы, повышается устойчивость общественной институциональной структуры и понижается протестный потенциал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Книги и монографии

- 1 Василенко, И.А. Политическая философия: учебное пособие. / И.А. Василенко. – М.: Гадарика, 2004. – 320 с.
- 2 Гарр, Т. Р. Почему люди бунтуют. / Е.Р. Гарр. – СПб.: Питер, 2005. – 464 с.
- 3 Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических системах: опыт сравнительного исследования / Под ред. Т.В. Павловой. – М.: ИСПРАН, 2005. – 425 с.
- 4 Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Мануэль Кастельс; пер. с англ. А. Матвеева. под ред. В. Харитонов. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
- 5 Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс; пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.
- 6 Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам Зарождающиеся социальные движения в современной России. – М.: Изд-во «Три квадрата». 2010. – 690 с.
- 7 Олсон, М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп: Пер. с англ. / М. Олсон. – М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. – 165 с.
- 8 Основы политологии: краткий словарь терминов и понятий / Белов Г.А. [и др.]. – М.: Знание России, 1993. – 168 с.
- 9 Доверие, гражданское действие, политика: опыт старых и новых демократий // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Патрушев, С.В., Айвазова, С.Т., Кертман, и др. – М.: Институт социологии РАН. 2008. – 540 с.
- 10 Смородинская, Н.В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу / Н.В. Смородинская. – М.: ИЭ РАН, 2015. – 344 с.

11 Уэбстер Ф. Теории информационного общества / под. ред. Е.Л. Вартановой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

12 Филатова О.Г. Методика и техника социологического исследования: Конспект лекций. – СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2000. – 48 с.

Публикации в научных периодических изданиях

13 Веревкин, А.И. Электоральный процесс в современной России: неопределенность vs «управляемость» // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2011. – №4. – С. 113–117.

14 Володенков, С.В. Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций / С.В. Володенков // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017 – №4. – С. 1-13.

15 Володенков, С.В. Социальные медиа как инструмент современной публичной политики: особенности и перспективы применения / С.В. Володенков // Политическая наука. – 2017. – № 1. – С. 290–305.

16 Дементьева, И.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке / И.Н. Дементьева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2013. – № 4. – С. 3–12

17 Киняшева, Ю.Б. Конфликтотенный потенциал гражданских инициатив в современном российском обществе / Ю.Б. Киняшева, С.В. Муращенко // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – №1. – С. 129–137.

18 Климов, И. А. Деньги вместо льгот: история и значение протеста / И.А. Климов // Социальная реальность. – М.: Фонд "Общественное мнение" – 2006. – № 4. – С. 25–45.

19 Лапин, Н.И. Социальные ценности и реформы в кризисной России / Н.И.Лапин // Социологические исследования. – 1993. – № 9. – С. 17–28.

- 20 Лейн, Д. «Цветная» революция как политический феномен / Е.Н. Бондарева // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2010. – № 1. – С. 16–38.
- 21 Маковеева, В.В. Сетевое взаимодействие – ключевой фактор развития интеграции образования, науки и бизнеса // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 354. – С. 163–166.
- 22 Максимов, Б.И. Классовый конфликт на Выборгском ЦБК: наблюдения и анализ / Б.И. Максимов // Социологические исследования. – 2001. – №1. – С.46–58.
- 23 Назаров, М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа / М.М.Назаров // Социологические исследования. – 1995. – № 1. – С. 47–59.
- 24 Никовская, Л.И. Гражданское общество и протесты: что за ними стоит? / Л.И. Никовская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 4. – С. 5–13.
- 25 Олейник, А.Н. Массовые протесты в контексте русской власти / А.Н. Олейник // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2012. – №3. – С. 118–125.
- 26 Певнева, Н.И. Протестное поведение как реакция на модернизационные процессы/ Н.И. Певнева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. № – 7. С. 229–231.
- 27 Пономарев, С.В. Краудсорсинг – технология создания виртуальных сообществ / С.В Пономарев // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». – 2011. – № 3. – С. 68–74.
- 28 Роменков, А.В. Интернет-блог как инструмент политической борьбы / А.В. Роменков // Власть. – 2008. – № 7. – С. 79–82.
- 29 Селезнев, П.А. Протестные движения в современной России / П.А. Селезнев // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – № 3. – С. 334–338.
- 30 Скобелина, Н.А. Условия развития общественных движений в современном российском обществе / Н.А. Скобелина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – №1 (107). – С. 59–63.

31 Соколов, А. В. Интернет-аспекты протестной активности в современной России / А.В. Соколов, А.А. Фролов // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – №4. – С. 280–283.

32 Черненко, И.А. Анатомия трудовых протестов в современной России: причины, формы, субъекты / И.А. Черненко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2012. – №4. – С. 138–145.

33 . Яницкий, О.Н. Социальные движения: 100 интервью с лидерами. / О.Н.Яницкий // М.: Моск. Рабочий. – 1991. – 270 с.

34 Бизюков, П.В. Как защищают трудовые права в России: Коллективные трудовые протесты и их роль в регулировании трудовых отношений. / П.В. Бизюков М.: Центр социально-трудовых прав. – 2011. – 128 с.

Электронные ресурсы

35 Благовещенский, А. Президент подписал закон о блокировке экстремистских сайтов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/30/president-block-site.html> (Дата обращения: 08.01.2018)

36 Борзенко, А., Дмитриев Д. Власти решили запретить Tor, VPN и другие средства обхода блокировок. Что делать? [Электронный ресурс]. URL: https://meduza.io/cards/vlasti-reshili-zapretit-tor-vpn-idrugie-sredstva-obhoda-blokirovokchodelat?utm_source=website&utm_medium=push&utm_campaign=browser_news (Дата обращения 10.07.2018)

37 В Египте заблокирован Интернет. [Электронный ресурс]. URL: <http://world.comments.ua/2011/01/28/226531/v-egipte-zablokirovan-internet.html> (Дата обращения 09.05.2019)

38 В Иране заблокировали Telegram и Instagram. [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/news/2017/12/31/v-irane-zablokirovali-telegrami-instagram> (Дата обращения 01.02.2019).

39 В Китае запретили Skype наряду с Facebook, YouTube и Twitter. [Электронный ресурс]. URL: <http://folksland.net/m/articles/view/V-Kitae-zapretili-Skype-naryadu-s-Facebook-YouTube-i-Twitter> (Дата обращения 30.11.2018).

- 40 Верхотуров, Д. Социальный протест в современной России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article18296.htm> (Дата обращения: 15.02.2019).
- 41 Гатинский, А., Витько, С. Кремль сообщил о звонках Путина лидерам протестного движения в Челябинске. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/society/10/11/2017/5a0592f09a794728b90c7974> (Дата обращения 10.11.2018).
- 42 Железнова, М., Райбман, Н. СКР объявил об обысках у соратников Навального. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/26876441/skr-obuyavil-ob-obyskah-u-soratnikov-navalnogo> (Дата обращения: 08.01.2019).
- 43 Ильичев, Г. Декабристы – 2011. Социологи измерили качество протестного движения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/50325.html> (Дата обращения: 28.04.2019).
- 44 Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017-2018 // ФОМ: интернет-портал. URL: <https://fom.ru/posts/13999> (Дата обращения 31.04.2019)
- 45 Колезев, Д., Мингалева, Л. За вами следит «Зеус». [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2016-07-27/mvd_obnarodovalo_dokumenty_o_slezhke_za_polzovatelyami_socsetey (Дата обращения 20.04.2018)
- 46 Медведев заявил о возвращении прямых губернаторских выборов. [Электронный ресурс]. URL: <http://chelovekizakon.ru/news/20111222/medvedev-zayavil-o-vozvrashhenii-pryamux-gubernatorskix-vyborov17016> (Дата обращения: 16.02.2018)
- 47 Мониторинг ЦСТП: трудовые протесты в России за май 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: www.trudprava.ru/ibp.php?id=1 (Дата обращения: 15.04.2019).
- 48 Набережнов, Г. Медведев запретил анонимный Wi-Fi. [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/society/08/08/2014/941706.shtml> (Дата обращения: 08.01.2018).

- 49 Напеева, Д. Рейтинг одобрения Медведева упал на 10% за месяц. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/05/04/2017/58e4c4779a7947e75390a3aa?from=main> (Дата обращения 5.03.2019).
- 50 Несвобода Интернета (2008-2011). Неправительственный доклад. [Электронный ресурс]. URL: http://openinform.ru/fs/j_photos/openinform_313.pdf (Дата обращения: 09.09.2018).
- 51 О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.computerra.ru/think/234100> (Дата обращения: 22.04.2019).
- 52 Павлова, Т.В. Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды: проблемы теории. [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Pavlova_5_08.pdf (Дата обращения: 03.05.2019).
- 53 Протестный потенциал [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=177> (Дата обращения: 15.07.2018).
- 54 Протесты и Навальный 17.07.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2017/07/17/protesty-i-navalnyj> (Дата обращения: 15.02.2019).
- 55 Профессор Глазычев: У народа возникло. [Электронный ресурс]. URL: <http://alexserdyuk.livejournal.com/6584341.html> (дата обращения: 10.01.2019).
- 56 Рожков, Р.В чем перспективы «цифрового суверенитета» России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kommersant.ru/doc/2640958> (Дата обращения: 08.09.2018)
- 57 Следователи пришли с обыском в офис «Яндекс.Деньги». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/377615> (Дата обращения: 08.01.2019).
- 58 Требуем нормальных выборов. Митинги #28января по всей России. Прямой эфир // YouTube: интернет-ресурс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EnBuZJ8TFo4> (дата обращения: 20.04.2019)
- 59 Хроника жасминовой революции в Тунисе, начавшей «Арабский переворот». [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/arab_info/20111217/518455789.html. (Дата обращения: 31.08.2019).

60 Шмырова, В. Названы любимые мессенджеры россиян. [Электронный ресурс]. URL:http://www.cnews.ru/news/top/2018-02-28_whatsapp_stal_samym_populyarnym_messendzheram_v (Дата обращения: 25.04.2018).

Литература на иностранном языке

61 Bennett, W.L., Segerberg, A. The Logic of Connective Action // Information, Communication & Society. – 2012. – V. 15, № 5. – P. 739–768.

62 Bennett, W.L. Communicating Global Activism // Information, Communication & Society. – 2003. – V. 6, № 2. – pp. 143–168.

63 Blumer, H. Collective Behavior // Principles of Sociology. New York : Bames & Noble – 1972 – P. 65–121.

64 . Boekkooi, M., Klandermans, B., van Stekelenburg J. Quarrelling and protesting. How organizers shape a demonstration // Mobilization. – 2011. – V. 16, № 2. – P. 223–242.

65 Boushel, C., Meuleman, B. Hash tags, ruling relations and the everyday: Institutional ethnography insights on social movements // Contemporary Social Science. 2013. Vol. 9, № 1. pp. 49–62.

66 Boyd, D., Ellison, N.B. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2007. – V. 13, – № 1. – P. 210–230.

67 Brandstatter, H., Opp, K.-D. Personality Traits («Big Five») and the Propensity to Political Protest: Alternative Models // Political Psychology. – 2014. – V. – 35. No. 4. – P. 515–537.

68 . Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age // Maiden: Polity. 2012. 200 p.

69 Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. I. Oxford: Blackwell. 1996. 625 p.

70 Castells M., Communication Power. Oxford University Press, Oxford. 2009. 592 p.

- 71 Cho J., Shah D. V., McLeod J.M., McLeod D.M., Scholl R.M., Gotlieb M.R. Campaigns, reflection, and deliberation: Advancing an O-S-R-O-R model of communication effects // *Communication Theory*. 2009. №19. pp. 66-88.
- 72 Cloward R.A., Piven F. F. Why People Deviate in Different Ways // *New Directions in the Study of Justice Law and Social Control*. New York: Plenum. 1989. pp 451-517.
- 73 Cohen J. L. Strategy or identity: New theoretical paradigms and contemporary social movements // *Social Research*. 1985. Vol. 52, № 4. pp. 663– 716.
- 74 Crossley N. Even newer social movements? Anti-corporate protests, capitalist crises and the remoralization of society // *Organization*. 2003. Vol. 10, № 2. pp. 287–305.
- 75 Della Porta D., Diani M. *Social Movements: An Introduction*. Oxford, UK: Blackwell. 1999. 326 p.
- 76 Debra F., McAdam D. Collective Identity and Activism. Networks, Choices and the Life of a Social Movement // *Frontiers in Social Movement Theory*. Edited by Morris A.D., McClurg C.M. New Haven, CT: Yale University Press. 1992. pp. 156-172.
- 77 Devan R., Jang H., Yoonjae N. Birds of a Feather Protest Together: Theorizing Self-Organizing Political Protests with Flock Theory // *Systemic Practice and Action Research*. 2010. Vol. 23, № 5. pp. 419–441.
- 78 Diani M. Social Movement Networks Virtual and Real // *Information, Communication and Society*. 2000. Vol. 3, № 3. pp. 386–401.
- 79 Drury J., Stott C. Contextualising the crowd in contemporary social science // *Contemporary Social Science*. 2011. Vol. 6, № 6. pp. 275–288.
- 80 Gamson W. A. *The strategy of social protest*. Belmont: Wadsworth, 1975. 275 p
- 81 Gamson, W.A. *The social psychology of collective action* // *Frontiers in social movement theory*. New Haven: Yale University Press. 1992. pp. 53–76.
- 82 Gerbaudo P. *Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto Books, 2012. 194 p
- 83 Hale H.E. 'The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime'// *Europe-Asia Studies*. 2011. № 63. pp. 1357–1375

- 84 Howard P.N. *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy: Information Technology and Political Islam*. New York: Oxford University Press, 2010. 300 p
- 85 Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
- 86 Kornhauser W. *The politics of mass society*. Glencoe: Free Press, 1959. 256 p.
- 87 Klandermans B. Mobilization and participation in trade union action: An expectancy-value approach // *Journal of Occupational Psychology*. 1984. Vol. 57, № 2. pp. 107–120.
- 88 Klandermans P.G. Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35. No.1. pp. 1–22.
- 89 Lysenko V., Desouza K. Charting the coevolution of cyberprotest and counteraction: The case of former Soviet Union states from 1997 to 2011 // *Convergence: The International journal of research into new media technologies*. 2014. Vol. 20, № 2. pp. 176–200
- 90 McCarthy J.D., McPhail PP. *The Institutionalization of Protest* // *The Social Movement Society*. Boulder: Rowman & Littlefield. 1998, P. 83–110. 445 p.
- 91 Melucci A. *Challenging codes. Collective action in the information age*. Cambridge: Cambridge University Press. 1996. 441 p
- 92 Micheletti M. *Political Virtue and Shopping: Individuals, Consumerism, and Collective Action*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. 307 p.
- 93 Mercea D. Towards a Conceptualization of Casual Protest Participation: Parsing a Case from the Save Roşia Montană Campaign // *East European Politics and Societies and Cultures*. 2014. Vol. 28, № 2. pp. 402–403.
- 94 Noakes J., Gillham P.F. Aspects of the «New Penology» in the Police Response to Major Political Protests in the United States, 1999–2000 // In D. Della Porta, Peterson A., Reiter H. (eds) *The Policing of Transnational Protest*. Aldershot: Ashgate. 2006. 272 p
- 95 Olson M. *The logic of collective action: Public goods and the theory of groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1965. 199 p.

- 96 Piven F.F., Cloward R.A. *Poor People's Movements*. New York: Pantheon. 1977. 416 p.
- 97 Rheingold H. *Smart mobs*. Cambridge: Perseus Publishing, 2003. 288 p.
- 98 Shaw A., Hill B.M. Laboratories of Oligarchy? How the Iron Law Extends to Peer Production // *Journal of Communication*. 2014. Vol. 64, № 2. pp. 215–238.
- 99 Smith W. Policing Civil Disobedience // *Political studies*. 2012. Vol.60. pp. 826–842
- 100 Snow D. A., Benford R. D. Ideology, frame resonance, and participant // *Mobilization*. 1988. Vol. 1. pp. 197–217.
- 101 Snow D., Moss D. Protest on the Fly: Toward a Theory of Spontaneity in the Dynamics of Protest and Social Movements // *American Sociological Review*. 2014. Vol. 79, № 6. pp. 770–783.
- 102 Till C. *From mobilization to revolution*. Reading, MA: AddisonWesley. 1978. 349 p.
- 103 Travaglino G.A. Social sciences and social movements: the theoretical context // *Contemporary Social Science*. 2014. Vol. 9, № 1. pp. 1–14.
- 104 . Ten Eyck T.A. Does information matter? A research note on information technologies and political protest // *The Social Science Journal*. 2001. Vol. 38. pp. 147–160
- 105 Tufekci Z. The Medium and the Movement: Digital Tools, Social Movement Politics, and the End of the Free Rider Problem // *Policy & Internet*. 2014. Volume 6, Issue 2, pp. 202–208.
- 106 Tufekci Z., Wilson C. Social media and the decision to participate in political protest in Egypt: observations from Tahrir Square // *Journal of Communication*. 2012. Vol. 62, № 2. pp. 363–379.

107 Van Stekelenburg J., Be. Klandermans B. The social psychology protest // Current Sociology Review. 2013. Vol. 61, № 5-6. pp. 886–905.

108 Van Stekelenburg J., Klandermans B. Individuals in Movements: A Social Psychology of Contention // Handbook of Social Movements across Disciplines. New York: Springer, 2010. 326 p

109 Winter M. Police Philosophy and Protest Policing in the Federal Republic of Germany, 1960-1990 // D. Della Porta, Reiter H. (eds) Policing Protest: The Control of Mass Demonstration in Western Democracies. Minneapolis MN: University of Minnesota Press. 1998. 309 p.

110 Wahlstrom M., Wennerhag M. Alone in the crowd: Lone protesters in Western European demonstrations // International Sociology. 2014. Vol. 29, № 6. pp. 565–583.

111 Walgrave S., Wouters R. The missing link in the diffusion of protest: Asking others // American Journal of Sociology. 2014. Vol. 119, № 6. pp. 1670– 1709.

112 Wells C. Civic Identity and the Question of Organization in Contemporary Civic Engagement // Policy & Internet. 2014. Vol.6 (2). p. 210. pp. 210–233

Электронные ресурсы на иностранном языке

113 Koshkin P. 'Social Networks: Pressure or Routine Control? Will more Protests Cause More Problems for Russia's Social Networks?' Russia Beyond the Headlines, 21 December, 2011. [Электронный ресурс]. URL:

http://rbth.co.uk/articles/2011/12/21/social_networks_pressure_or_routine_control_14058.html (Дата обращения: 16.12.2018).

114 Russell D.J., van Sickle A. The Resource, Structural, and Cultural Bases of Protest. Center for the Study of Democracy (CSD) Working Papers. University of California. [Электронный ресурс]. URL:

<http://escholarship.org/uc/item/3jx2b911> (Дата обращения: 15.02.2019)